

Лия Ланж

БЕЛАЯ ВОРОНА

Лия Ланж

Белая ворона

<https://litres.ru/73814324>

SelfPub; 2026

Аннотация

В шестнадцать лет жизнь Вероники рушится: из роскошной квартиры она попадает в детдом, где дети — «мусор» для окружающих. Травля, враждебные группировки и мрачные коридоры вместо прежней жизни. Единственный, кто иногда помогает, — загадочный и опасный Кирилл Чернов, держащийся на расстоянии. Но среди жестокости Вероника всё же находит тех, кто становится ей настоящей опорой, — верных друзей. Когда прошлое настигает и бандиты выходят на след ее матери, ей предстоит сделать выбор: сломаться или объединиться с теми, кто рядом. Чтобы выжить, придётся играть по чужим правилам.

Лия Ланж

Белая ворона

1 часть.

Вероника.

Детский дом — не то место, где ребёнок чувствует себя комфортно, а то, где он теряет последние крупницы детства. Здесь не слышны детские воспоминания, только звуки одиночества в пустом коридоре. Кошмары сменяются реальностью, но это просто другой сон. И в этот сон попала и я.

Я сидела на жесткой кровати, разглядывая серые блеклые стены вокруг. Вспоминала о своей прошлой жизни: о комфорте, о безопасности, о любви матери. Никогда не думала, что такое произойдет. Жизнь подкинула мне карту, от которой я даже не знала, как защищаться.

Мои пальцы судорожно сжали край тонкого матраса. Где-то вдалеке капала вода: ровно, монотонно, словно отсчитывающая секунды до чего-то неминуемого. Я закрыла глаза, но образы прошлого не исчезали: мамины духи, смешивающиеся с запахом вкусного кофе. Золотистый свет люстры в нашей гостиной. Её тёплые руки, поправляющие мне воротник перед школой.

А теперь эти стены. Эти проклятые серые стены, впитывающие в себя все детские слёзы. Я резко открыла глаза и с

ненавистью провела ладонью по шершавой поверхности рядом - она оставила на коже мелкие царапины.

Как же так? Как вообще такое возможно?

Где-то за дверью раздался грубый смех, потом грохот упавшего таза. Здесь всё было по-другому. Здесь не пахло безопасностью. Здесь пахло страхом.

Незнакомые глаза этих детей заставляли меня сжиматься изнутри. Каждый взгляд чувствовался как удар — холодный и неприятный. Я никогда не понимала, как люди находят в них что-то доброе, когда я видела только угрозу за каждым незнакомцем.

Эта комната — моя тюрьма, а время — наказание. Песок сыплется на меня, как секунды, но всё, что я могу — это бессильно наблюдать за своим падением в бездну одиночества.

Я оказалась в безвыходной ситуации. Губы сами сложились в горькую усмешку: «Безвыходная?» Нет, выход был. Просто мама выбрала его за меня — бросила в этот пересыльный ад, как выбрасывают мусор, чтобы не пачкать руки.

За окном кто-то закричал. Наверное, ребята снова кого-то «воспитывают». Я слышала, что в некоторых детских домах дети сталкиваются с жестоким обращением и насилием со стороны воспитателей или других детей. Это может включать физические побои и эмоциональное давление.

Я медленно скользнула с кровати и прижалась лбом к холодному стеклу.

— Мама... — шепотом выдохнула, словно проверяя, оста-

лось ли в нём хоть капля тепла. Но даже звук его теперь обжигал, как чужая ложь.

Тень на стене передо мной сгорбилась — жалкая, чужая. Совсем не та Вероника, что когда-то носила платья из бутиков и смеялась, запрокинув голову.

Я не знала, что ответить себе. И от этого становилось ещё страшнее.

Я тут только первый день. Часы первые. Я сидела посреди комнаты. Мой чемодан стоял рядом. Мама даже не помогла его занести.

— Ты будешь в безопасности, — бросила она через плечо, уже отворяя дверь.

Её каблук щёлкнул по бетону — так звучит разбитое сердце. А потом — рёв двигателя. И тишина.

Я не плакала. Просто опустилась на колени перед этой клеткой с крашеной кроватью, вцепившись в металлический каркас.

"Сколько стоит место в аду?" — подумала я, рассматривая царапины на полу. Видимо, цена оказалась мне не по карману.

Почему я оказалась в детском доме? Я сама не знаю. Мама привезла меня сюда и ушла без объяснений. Мои мысли были спутанными: всё вокруг казалось серым и холодным. Наверное, я всё ещё ждала ответа. Но только тишина была моим ответом.

Мой взгляд упал на зеркало в комнате. Грязное, тресну-

тое, с темными кругами под глазами — идеально.

За дверью послышались шаги. Чьи-то хихиканья и шёпот: — Слышала? Новенькая. Говорят, её мамаша бандитам продала.

Я резко подняла голову. Так вот какой "безопасностью" я обязана маме?

В кармане джинсов что-то жёстко впилося в бедро — золотая подвеска с рубином. Последний подарок "на счастье".

Я достала её и замерла: камень в полутьме светился как свежая кровь.

— Хорошая метафора, — прошептала я и швырнула украшение в стену. Оно отскочило и покатилося по полу.

Так начался мой первый день в аду.

В дверном проёме появилась женщина, похожая на око-рок: маленькие глазки, мясистые щёки, сжатые губы. Я невольно вздрогнула: она выглядела так, как будто сама могла кого-то съесть. Ей на вид было лет тридцать. Даже несмотря на усталое лицо, женщина старалась держаться прямо, будто каждый её позвонок был пронзён стальной пружиной.

Женщина зашла в комнату и попыталась улыбнуться:

— Здравствуй, Ника. Не буду ходить вокруг да около. Ты сама знаешь, при каких обстоятельствах ты тут оказалась. Так что, добро пожаловать в наш маленький и уютный дом.

Я показательно хмыкнула: мирное место в окружении серых стен. Да этот ад больше напоминал тюрьму, чем приют.

Женщина нахмурилась, будто прочитала мою мысль:

— О, я вижу, ты не особо рада оказаться тут.

— А вы бы были рады оказаться в детском доме? — ледяным голосом спросила я.

Женщина кашлянула и сказала:

— Ты здесь. Это то, что важно сейчас. Я надеюсь, ты будешь соблюдать правила нашего детского дома и будешь вести себя примерно.

Я пренебрежительно фыркнула. Правила.

— Какая разница, если свобода для меня давно в прошлом?

Она наклонилась настолько, чтобы наши лица оказались на одном уровне и сказала почти шёпотом:

— Послушай меня, девочка. Здесь свои законы, и их придется уважать. Если хочешь, конечно, остаться целой и невредимой.

Я сглатываю, но ничего не отвечаю. Женщина усмехается, будто видит мои внутренние мысли.

— Отлично. Как я вижу, ты понимаешь серьезность ситуации.

Она выпрямилась, оглядывая комнату внимательным взглядом.

— Я Людмила Степановна. Завуч по воспитательной работе.

Я кивнула, стараясь казаться равнодушной, но глаза не могла отвести от её лица. Жесткость и усталость, смешавшись в лице женщины-окорока.

Людмила. Даже имя было жёстким, как сталь.

— Завтраки у нас в восемь тридцать. Обед в час дня. А ужин в шесть часов вечера.

Я машинально кивала, запоминая новые правила.

Сколько ещё ночей я проведу тут? Неужели каждый день будет таким?

— Ужин через два часа. Не опаздывай, а то останешься без еды. Бегать за тобой никто не будет, — стальным голосом продолжила Людмила Степановна.

Слова прозвучали, как приказ, и вся моя смелость куда-то делась. Я снова молча кивнула, не сводя взгляда с лица женщины.

Сколько бы мне ни было лет, она казалась мне огромной, словно гора.

Целых два часа, я сидела в этой комнате и разглядывала ее. Разноцветные покрывала, аккуратные на матрасники, и всё это казалось неестественно обычным, если не знать подоплёку. Я не сводила взгляд с покрытия, рассматривая тонкую ткань. Стены, пол, мебель, покрывала на койках — всё было будто со времён войны.

Из окна не видно ничего, кроме серого неба. А ещё запах — запах давно не мытой одежды. Сколько же человек до меня ночевало в этой комнате?

Я усмехнулась. Ужас этой комнаты — это ещё мягко сказано. Разглядывая комнату, я подумала, что камеры в тюрьме наверняка выглядят лучше.

Как же хочется в свою комнату с кондиционером. Конечно, в моей комнате он был. Как и большой телевизор. А здесь даже окно не полностью открывалось.

Стены тут были ужасные. Просто серые полосы. От такого вида комнаты уже начинала голова болеть. Поскорее бы уже время ужина.

Тут дверь распахнулась и в комнату зашла девочка. Выглядела она моего возраста.

Её взгляд скользнул по комнате и остановился на мне. Я сидела на краю кровати и не произнесла ни слова.

А она улыбнулась:

— Привет.

Я промолчала. Не хочу заводить дружбу с детдомовскими. Да я здесь вообще не хочу оставаться.

Она не растерялась, только уселась рядом со мной на кровать. Бесцеремонно так. Даже слишком.

Девчонка продолжила:

— Не слишком разговорчивая? Не стесняйся. Меня зовут Даша.

Я тут же встала с кровати. Не хочу не то, чтобы разговаривать, даже сидеть на одной кровати с ней. Может, они тут все заразные?

Но вслух, я против воли сказала:

— Я Вероника.

— Красивое имя, — улыбнулась она.

Я промолчала снова. А Даша сказала:

— Ты новенькая?

— Я тут ненадолго — ответила я.

Даша кивнула, разглядывая меня по-новому. А потом сказала:

— У тебя классная футболка.

— Это топ, — тут же поправила я.

Она даже не смутилась. Кивнула и продолжила:

— Выглядит модно.

Я не ожидала, что она вообще обратит внимание на мой наряд: обычные голубые джинсы и голубой топ с длинными рукавами.

Но, к моему удивлению, она продолжила:

— Отлично сидит на тебе.

— Спасибо, — я неловко кивнула и отвернулась от нее, намекая, что не желаю продолжать диалог.

Но тут она вдруг сказала:

— Это моя кровать.

— Что? — я повернулась к ней.

— Ты сидела на моей кровати, — она указывает пальцем на мебель из девяностых. — На ней сплю я. Но можешь занять ту, которая напротив.

Я промолчала и перевела взгляд на кровать напротив. Как будто меня волнует на чьей кровати я сидела.

Нехотя направилась к другой кровати. Даша молча наблюдала за мной. А я устроилась на соседней койке, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Она продолжила смотреть на меня. Это был не колючий взгляд. Обычный интерес. Меня это начинало раздражать.

— Что ты так смотришь? — спросила я, глядя в ответ на нее.

— Извини, — она тут же смутилась и опустила взгляд. — Ты просто очень красивая.

От этих слов я даже не сразу нашлась, что ответить.

— Спасибо, — коротко ответила я, кашлянув.

Я была красивой, но не хвасталась этим. Я не носила высокие прически, мои волосы были идеальны: каштановый цвет спускался до ключиц, обрамляя лицо словно облако. Пряди чуть темнее падали на лоб, подчеркивая нежный овал лица, глаза цвета темного молока, небольшие брови, аккуратный носик и губы в форме сердца, чуть приоткрытого. Конечно, я знала, что красивая. Compliments не должны вызывать во мне такого внутреннего сопротивления. Может быть, я просто слишком привыкла только к одобрению тех, кто жил в моей прошлой жизни? А может быть, я слишком высокого мнения о себе перед лицом простой девочки из детдома?

В Даше не было абсолютно ничего примечательного. Самая заурядная внешность: простые черты лица, обычные глаза, которые не цепляли взгляд. Она казалась серым пятном в этом и без того сером мире.

2 часть.

Мы сидели в тишине. Потом она резко встала с кровати и воскликнула:

— Ой, время ужина!

Я моргнула удивленно.

— Ужин?

— Да. Если опоздаем, то Окорок нас хорошенько отчитает, — забавно морщится Даша и смотрит на меня. — Ты пойдешь на ужин?

— Пойду, — я встаю с кровати и мы вместе выходим из комнаты. Я поворачиваюсь к ней. — А почему ты так ее называешь?

— Она похожа на Окорок, — хихикает и смотрит по сторонам так, будто рассказывает мне о секретной тайне. — Мы ее тут так называем.

Я приподняла бровь. Было странно наблюдать, как она рассказывает мне о детдомовских секретах. Вскоре мы оказались в столовой. Здесь уже множество детей сидело за столами, поглощая скудную еду. Я осмотрела людей вокруг. Все выглядели устало. Многие были тощими. Как же тут все жалко выглядело.

Казалось, как только я переступила порог, все взгляды устремились на меня. Глаза. Десятки глаз уставились на меня, будто я — новый экспонат в музее ужасов. Я ненавижу, когда все смотрят на меня. Каждый взгляд кажется ожогом. Даша тоже смотрела, но ее взгляд был пустым.

Она дернула меня за рукав и прошептала:

— Не обращай внимания. Они просто редко видят таких, как ты.

Я поправила рукав, стараясь сохранить хоть каплю достоинства, но внутри всё сжалось в комок.

Что они вообще хотят от меня? А может, у меня паранойя и никто не смотрит на меня? Но как же? Вот компания девочек в наглуую смотрят.

Я привыкла к красивым вещам, дорогим украшениям и комфорту. Но сейчас я находилась среди жалких детей, выглядящих так, будто их давно никто не ласкал, не обнимал и не любил.

По щеке скользнула легкая капля пота, а сердце вдруг сжалось от увиденного.

Тут к нам подошла Людмила Степановна и обратилась строго к Даше:

— Дарья, займите свое место.

Мои глаза встречаются с её взглядом. Даша быстро кивает и уходит.

Людмила указала жестом на стол:

— Садись.

Я медленно дошла до конца столовой, чувствуя, как все глаза смотрят на меня, будто я редкая птица в клетке.

Столько внимания только от того, что я появилась здесь. Я тяжело выдохнула и заняла свободное место.

По обе стороны моего стола сидели другие девочки, которые заинтересованно рассматривали меня. Это создало ещё

большой дискомфорт. Я старалась игнорировать их взгляд и сосредоточиться на еде, которая выглядела так, будто была приготовлена много часов назад.

То что лежало в моей тарелке нельзя было назвать едой. В лучшем случае это можно было назвать жухлой кашей без каких-либо признаков вкусовых качеств. От запаха меня чуть не стошнило, но все же я взяла ложку и впервые попробовала эту отвратительную еду.

Окружающие дети молчали, время от времени бросая на меня косые взгляды. Я старалась отвлечься, рассматривая лица вокруг. Обычные взгляды, любопытные, иногда жалостливые. Но один... один был слишком прямой и холодный. Он продырявил меня насквозь. Я резко подняла голову и встретила с взглядом какого-то парня. Он смотрел прямо в лоб, не отводя глаз и даже не моргая. В его взгляде не было ни жалости, ни обычного детского любопытства — только тяжелая, давящая уверенность.

Меня словно обожгло. Сердце провалилось в живот, а щеки залились румянцем — от чего? Я не знала, но смотреть на него больше не могла. Резко отвернулась.

Я всегда знала только дружелюбных, открытых парней. Смеющихся, шутливых. А этот парень был другим. Хмурый, безэмоциональный, даже немного грубый на вид. Я не любила таких парней, потому что они пугали меня. Их взгляд был слишком глубоким, а улыбка редкой и холодной. Они казались мне опасными, скрывающими что-то темное под мас-

кой безразличия.

Большинство девочек здесь выглядели в плохом состоянии - бледные щеки, темные круги под глазами, худые тела. Хотя не все тут худые. Полные девочки тоже есть.

Каша в моей тарелке внезапно показалась ещё отвратительнее, когда я осознала: это явно было сварено на мясном бульоне.

Я отодвинула тарелку так резко, что ложка звякнула об край.

— Что-то не так? — Даша наклонилась ко мне через стол, брови чуть приподняты.

Я стиснула зубы:

— Я вегетарианка.

Я была вегетарианкой с детства. Для меня это было не просто выбором питания, а частью моей личности и мировоззрения. Я не могла есть мясо из-за принципов и сострадания к животным.

В столовой на секунду повисла тишина, потом раздался чей-то смешок.

Людмила Степановна тут же оказалась рядом, её лицо стало еще краснее:

— У нас не ресторан! Ешь, что дают или останешься голодной.

Я скрестила руки на груди:

— Тогда останусь голодной.

Пусть лучше скрутит от голода, чем съест эту гадость.

Даша покачала головой, но в её глазах мелькнуло что-то вроде уважения?

Тут девочка с соседнего стола громко сказала:

— Людмила Степановна, оставьте ее. Если хочет помереть от голода, то пусть.

Голос прозвучал резко, словно нож по стеклу. Все замерли. Даже Людмила Степановна на секунду застыла, поворачиваясь к той, что сказала это.

Я подняла взгляд. Светловолосая девочка лет шестнадцати, высокая, с острым лицом и холодными глазами, сидела за соседним столом. Она ухмыльнулась мне, демонстративно откусывая кусок хлеба.

— Инга, — прошипела Людмила Степановна.

Но Инга лишь пожала плечами:

— Что? Она же сама решила не есть.

Я почувствовала, как злость поднимается внутри меня. Но я не сказала ни слова. Просто отодвинула тарелку ещё дальше и скрестила руки.

Пусть видят — я не сдамся.

Людмила Степановна ничего не сказала. Она отошла в сторону. Вокруг снова зашуршали ложки и стали слышны разговоры. А я молча сидела, чувствуя взгляды.

Даша рядом переместилась ближе:

— Ты правда не будешь есть?

Я покачала головой:

— Лучше я с голоду помру.

Она неловко посмотрела на мою тарелку.

— Тогда можно я съем?

Я молча отодвинула тарелку к ней, кивнув.

Даша моментально схватила ложку и начала с аппетитом есть мою порцию. А я сидела, скрестив руки, и смотрела на это с отвращением.

Как можно есть эту гадость? Да ещё и с таким аппетитом? Но что-то внутри шевельнулось — жалость? Нет. Просто...

Я не понимала эту жизнь.

После ужина, мы отправились в свои комнаты. По дороге, меня плечом задела какая-то девочка. Рядом с ней была ухмыляющаяся Инга. Девочка даже не извинилась. Наоборот, она обернулась и бросила:

— Широкая что-ли?!

Мгновение моё спокойствие сменилось гневом. Как она посмела толкнуть меня?!

Я развернулась, намереваясь дать им отпор. Но Даша схватила меня за локоть.

— Не надо.

Я промолчала. Послушаюсь тебя, Дарья. Все-таки это мой первый день. Девочки ушли. И тут я не выдержала и сказала вслух:

— Дура.

Послышался свист. Я обернулась. Перед нами стояли трое парней. Они были, мягко говоря, неприятного вида. Выглядели они старше и были явно выше.

Один из них выделялся среди остальных. Тот самый парень, который пялился на меня в столовой. Он явно был лидером этой компании. Его глаза, как острые ножи, пробега-лись по мне. Рука машинально дернулась по рукаву, как буд-то я пыталась хоть как-то прикрыться.

Один из них ухмыльнулся:

— А новенькая у нас с характером.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы разглядеть каждого.

У парня из столовой лицо было жестким, с резкими черта-ми — высокий лоб, скулы Глаза темные, почти черные, хо-лодные и непроницаемые. Широкие плечи, будто он прораб на стройке. Волосы коротко подстрижены. Нос у него был прямым, слегка кованым, как будто ломали его раньше. Гу-бы тонкие, сжатые в линию или усмешке, которая не дости-гала глаз.

Второй гопник с прической. Чуть поменьше первого, с плотным телосложением, похожим на боксера. Густые бро-ви нахмурены, будто он вечно недоволен. Лисий взгляд и ух-мылка на лице. Волосы коротко подстрижены.

Третий же выглядел самым безобидным. Худой. Меньше всех остальных, но выглядел самым сильным. Худощавое, почти детское лицо, только прыщики на щеках. Волосы тем-ные, коротко стриженные.

Даша улыбается парням и знакомит меня, будто мы луч-шие друзья:

— Ребят, а это новенькая. Вероника.

Второй сказал:

— Дашка, ты зачем стерв в подружки набиваешь?

Даша сжала губы, явно нервничая.

Первый, всё ещё смотря на меня, склонил голову:

— Стерва из нее красивая.

Парни стали хохотать, будто это была шутка. Даша попыталась вмешаться:

— Да. она очень красивая! Я ей тоже это сказала.

Но первый её перебил:

— Красивая, но слишком худая.

— Стерва, — стоял на своем второй.

Третий присоединился:

— Дим, для тебя все девчонки стервы.

Они стали перешептываться между собой, показывая на меня. Обсуждали как я выгляжу, не пытаюсь хоть немного быть скрытными.

Дима подошел ещё ближе, смотря на меня сверху вниз:

— Она слишком худая. Ты не думаешь, что она выглядит нездорово?

— Вы совсем с головой не дружите?— взорвалась я. — Обсуждаете меня при мне же!

Парни замолкли на секунду, будто только теперь заметили, что я все прекрасно слышу. Но Дима лишь ухмыльнулся, наклоняя голову ещё ниже:

— Нервничаешь от моего взгляда, Вероника?

— Скорее от твоих тупых слов, — вставляет первый.

Дима косится на него:

— Заткнись, Кир.

Даша вмешивается:

— Ребят, перестаньте. Ой, я совсем забыла вас представить. Вероника, это Кирилл. Дима. И Слава.

— Не очень приятно познакомиться, — я смело оглядываю каждого.

Взгляд Кирилла в момент стал ледяным, а губы скривились в усмешке.

— Ты лишнего тут не говори. Не всем могут понравятся твои слова.

— Мне все равно.

Дима сделал шаг. Его взгляд был колючим, будто готовый вот-вот напасть.

— Тебе второй раз повторить?

Я вздернула голову вверх, сдерживая свой страх. Этот жест не ускользнул от Кирилла. Он перевел свой тяжелый взгляд на мое лицо, удерживая его там.

— У тебя храбрость или дурость, маленькое создание?

Как он меня назвал?

Даша тут же хватается меня за запястье со словами:

— Мальчики, хватит. Нам пора. Если Окорок увидит, то будет ругаться.

— Та пофигу на нее, — закатывает глаза Дима.

Я поняла — этот Дима типичный нарушитель спокой-

ствия. Он явно не собирался слушаться никаких правил, и 'пофигу' на взрослых было сказано с полным пренебрежением.

Даша поджимает губы:

— Скажешь это, когда она тебя накажет.

Дима смотрит на Дашу, а она на него. Они обмениваются какими-то взглядами. Это что немой разговор на детдомовском?

— Ладно, — вздыхает Дима и кивает на меня. — Если она захочет тебя грохнуть, то зови. Я ее первым грохну.

После этих слов, Даша тянет меня в другую сторону. Он что только что сказал, что собирается меня грохнуть?! Я тут же оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Кириллом. Он стоит все на том же месте. Выглядит задумчивым, будто что-то обдумывает. Но только когда наши взгляды встречаются, губы Кирилла изгибаются в ухмылке. Я тут же отворачиваюсь. Больной. Да они тут все больные. Одна грубит в столовой, другой собирается меня грохнуть, а третий вообще похож на бандита.

3 часть.

Вскоре мы оказываемся в нашей комнате. Я тут же отдергиваю руку.

Не люблю, когда ко мне прикасаются — никакие объятия, рукопожатия, касания. Я всегда была нетактильной. Любое

прикосновение ощущалось как вторжение в мое личное пространство, как нарушение границ тела. Мне казалось, что прикасаются, чтобы причинить боль или контролировать. Моя кожа отвечала на это отторжением.

Я не мигая смотрю на Дашу пару секунд, а потом спрашиваю:

— Кто были эти придурки?

— Ты увидела их не в лучшем свете. Но поверь, они хорошие.

Я ничего не отвечаю. Странные у нее друзья. Но это не мое дело. Сажусь на свою кровать и тут дверь распахивается и в комнату входит девочка. Она выглядит моложе нас обеих, может быть лет пятнадцать. Она худая до невозможного, словно давно не ела нормально. Серыми глазами смотрит на Дашу, игнорируя меня. Выглядит слабой не только телосложением, но и взглядом, будто у нее его отсутствие. Густые русые волосы неухоженно спадают на лицо, она прячется за ними. Одежда: поношенный свитер и джинсы с заплатками.

Мои глаза пробегают по ее тонким рукам, тонкой шее, худым ногам.

Даша встает с койки и подходит к ней с легкой улыбкой:

— Опять не ела, Ева?

Ева пожалала плечами, словно её еда не имела никакого значения.

— Просто не голодна, — ответила она тихо, будто каждый звук тяжесть для неё. Даша тихо вздохнула, будто это было

обычным явлением. Она вытащила из под подушки плитку шоколада и протянула Еве.

— Я знаю, что у тебя нет аппетита, но тебе все равно нужно что-то есть, — Даша положила руку на её худое плечо и мягко подтолкнула её к кровати, молча прося сесть.

Ева сделала то, что она просила, тихо вздохнув.

Что не так с этими ребятами? Почему все тут такие странные?

Даша играет в няньку для этой ходячей тени. Кирилл с друзьями носятся как псы на цепи. А Ева как призрак, который уже смирился, что его никто не видит.

Я скрестила руки, чувствуя, как раздражение копится где-то под рёбрами.

— Ты всегда так нянчишься с людьми? — спросила резко, кивнув на Еву.

Даша замерла, Ева ещё сильнее сжала худые плечи.

— Ты даже не представляешь, через что она прошла.

Ева испуганно подняла взгляд на меня, её пальцы беспокойно теребили край свитера.

Я чувствовала, как внутри меня что-то дрогнуло, но тут же сжалась в комок раздражения:

— Это не мои проблемы.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая и неловкая.

Даша крепко сжала кулаки:

— А вот и зря. Здесь у всех свои демоны.

— О, какие мы все несчастные и многострадальные! —

ухмыляюсь я, размахивая руками. — Вы все тут такие жалкие, но знаешь что? Никто не заставлял вас быть такими!

Ева съёживается ещё сильнее, а Даша бледнеет.

Я истерически улыбаюсь, голос срывается на хрип:

— Я тоже могла бы ныть, что меня бросили как мусор, но нет! Я не хочу быть как вы!

Даша поднимается с кровати, делает шаг вперёд, её глаза горят:

— Ты думаешь, это делает тебя сильнее?— шипит она. — Презирать тех, кто не смог дать отпор?

Я замираю. Впервые за день моя уверенность даёт трещину. Тишина. Только мое тяжёлое дыхание нарушает её. Достало! Почему я вообще стою и разговариваю с ней?

Я выхожу из комнаты, шумно хлопнув дверью. С громким шагом устремляюсь туда, куда глаза глядят. Захожу в туалет и запираю за собой дверь. С тяжёлым вздохом я опираюсь ладонями на края раковины и смотрю на своё лицо в зеркало.

Все из-за мамы. Из-за нее я так разозлилась. Я резко захопываю кабинку, дыхание учащённое. Прижимаю кулаки к вискам, пытаюсь заглушить рвущиеся наружу эмоции.

Почему она бросила меня? Почему я должна жить среди этих чужих людей?! Я не хочу быть здесь!

Я сжимаю веки, но горячие слёзы всё равно прорываются. Первый раз за долгое время — я плачу.

Снаружи слышен тихий стук в дверь кабинки.

— Ника? — голос Даши звучит неуверенно.

Я ничего не отвечаю. И чего она пошла за мной? Стук повторяется, на этот раз чуть громче.

— Ника, я понимаю, что ты злишься, — голос Даши звучит тихо, но настойчиво. — Но ты не можешь просто исчезнуть.

Я стискиваю зубы, пальцы впиваются в колени. Я не хочу никого видеть, но Даша не уходит.

Ещё один стук.

— Если ты не хочешь говорить, я могу просто посидеть рядом.

Тишина. Даша прислоняется к двери, слышно, как она медленно опускается на пол. Проходит минута. Потом ещё одна. Я чувствую, как гнев постепенно сменяется пустотой. Я вытираю лицо рукавом и тяжело вздыхаю. Снаружи слышно, как Даша переминается на месте.

— Ника, если хочешь, я могу принести тебе чай с мятой. Он успокаивает.

— Я Вероника, — твердым голосом говорю я.

— Что?

— Никой меня могут звать только самые близкие.

Она на мгновение молчит, переваривая слова, и наконец, отвечает тёплым голосом:

— Ладно, Вероника.

Я вздыхаю и выхожу. Даша осторожно поднимается с пола. Она наблюдает за мной молча, пока я мою руки.

Спустя пару минут тишины, она наконец решает что-то

сказать. И лучше бы она этого не делала.

— Ева хорошая девочка, правда.

— У тебя все хорошие, — хмыкаю я и выхожу из туалета.

Даша идет следом.

— Она не заслужила, чтобы с ней так обращались.

Я останавливаюсь, оборачиваюсь к Даше:

— А что с ней плохо обращаются?

Девочка мгновенно проглатывает ком в горле, её взгляд метается от меня в сторону.

— Инга и её подруги постоянно над ней издеваются. Бьют, прячут вещи, насмеваются.

— Инга это та девчонка из столовой? — припоминаю я.

Даша кивает.

— Ну и что? — я вздыхаю и качаю головой. — Если человек не может постоять за себя, то это его проблемы. Мне все равно на твою Еву.

— Она не может постоять за себя! Она не может ответить им! У неё нет такого права!

Я перевожу усталый взгляд на Дашу, которая сейчас стоит прямо передо мной и защищает чужого человека.

— А разве она вообще пыталась?

Ева выглядит той самой серой мышью, которая даже постоять за себя не может.

Даша сжимает кулаки, её взгляд становится холоднее.

— Она даже не может попросить кого-то о помощи из страха, из-за того, что другие подумают! Она думает, что ни-

кто не поможет ей.

— Послушай, Даша, — я закатываю глаза. Это все уже действует мне на нервы. — Мне все равно на проблемы чужого человека.

Даша вдруг вспоминает какую-то цитату и цитирует их с горечью в голосе:

— «В этом мире есть два типа людей — те, кто проходят мимо, и те, кто останавливается. Первые удобны. Вторые — опасны.»

Она смотрит на меня, ожидая реакции. Глаза её горят. Я ничего не отвечаю. Молча обхожу эту странную девочку и иду к подоконнику.

Устало вздохнув, я опираюсь о край. Наблюдаю за темнотой на улице. Ночная темнота. Такое мрачное ощущение.

После мгновение, я слышу звуки сбоку, и взгляд моментально устремляется в ту сторону. Вижу Кирилла. Он стоит с сигаретой в руке. Один. Не видит, что я наблюдаю за ним. Он что прячется от взрослых? Тайно курит. Типичный детский дом.

Кирилл небрежно облакачивается о стену, выпуская клубы дыма в ночной воздух. Его лицо освещено призрачным светом уличного фонаря — в глазах читается привычная усталость и пофигизм. Он резко затягивается, потом швыряет окурок в окно.

Я отвожу взгляд, когда он внезапно поворачивает голову в сторону, но кажется, не замечает меня в темноте. Кирилл

не был красавчиком из глянцевого журналов. У него было обычное лицо — не плохое, но и не выделяющееся на фоне других парней. И все же, что-то в нем цепляло. Может, это был именно контраст — обычная внешность и эта загадочная аура вокруг. Он казался недоступным, закрытым, как будто у него была своя история.

Мои пальцы непроизвольно сжимают подоконник, когда Кирилл вдруг резко срывается с места — подходит к мусорному баку и с размаху пинает его. Гулкий звук разносится по тихому коридору. Он не кричит, не ругается — просто стоит, сгорбившись, с пустым взглядом. Потом достает пачку из кармана, но замечает, что она пуста. Его лицо искажает гримаса, будто это последняя капля.

И тогда он резко разворачивается и идет обратно. Прямо к моему окну.

Я пытаюсь развернуться и уйти, но уже поздно. Он поднимает глаза и видит меня. Застывает. Его взгляд, как нож.

— Подглядывать любишь? — голос хриплый, но в нем нет злости. Только усталое презрение.

— Я пришла сюда первой, — тут же отвечаю я.

— Разве не знаешь, что хорошие девочки должны спать в такое время?

— А плохие мальчики, значит, должны тайком курить и пугать новеньких?

— А плохие мальчики должны сидеть в темноте и придумывать, как бы их сочли крутыми, — Кирилл говорит с такой

же иронией, как и я. — Сигареты, позы, холодный взгляд.

Я поджала губы и вскинула голову, глядя на него исподлобья.

— Мне не спится.

Он сделал ещё несколько шагов и теперь стоял прямо напротив.

— А я как раз хотел покурить, а пачка закончилась.

— Ты куришь? — кидаю взгляд на пачку.

Кирилл улавливает взгляд, и его губы дёргаются в небольшой ухмылке.

— Да. А че?

— Ничего, — я пожимаю плечами и смотрю в окно.

Я чувствую его взгляд на себе, но не обращаю на него внимания. Он стоит рядом — так близко, что ощущаю исходящий от него запах сигарет.

— Почему ты здесь?

— Я уже ответила на этот вопрос, — закатываю глаза я.

— Я не об этом, — он усмехается. — Как ты попала сюда?

— Не твое дело, — огрызаюсь тут же я, повернувшись лицом к нему. — Ты думаешь, мы перекинулись парочкой фраз и я уже должна рассказать тебе свою душевную историю?

Кирилл закидывает голову назад и громко смеётся, выпуская дым в потолок.

— Ну у тебя и пыл, — он прищуривается.

Я внутренне напрягаюсь, но внешне остаюсь холодной. Его смех — низкий, хрипловатый, с лёгкой ноткой цинизма

— почему-то щекочет мне нервы. Неприятно. Но не отталкивающе.

Я чувствую, как мои собственные губы чуть дёргаются — почти незаметно. Словно тело предательски хочет ответить тем же. Но я стискиваю зубы и отворачиваюсь.

Его смех красивый? Возможно. Но я никогда не признаю этого вслух.

Кирилл уставился на меня, и его хитрый взгляд скользил по моему лицу, словно пытался узнать меня с новой стороны. Мне это не понравилось.

— Так значит, хорошая девочка с мятыми крыльями?

Слова прозвучали, как вызов. Слова, которые зацепили и заставили сжаться. Я холодно хмыкнула и отвернулась.

— Мои крылья — это моё личное дело. И не называй меня хорошей девочкой, — добавила я резко. — Ты абсолютно ничего обо мне не знаешь.

Кирилл секунду молчит, внимательно рассматривая мое хмурое лицо на фоне ночи.

— Так, — медленно произносит он, — расскажи о своих мятых крыльях.

— Ты не в себе?!

4 часть.

Кирилл поднимает бровь и уставляется на меня, будто сам удивлён таким резким тоном. Наверное, с ним еще никто так

не разговаривал.

— Просто любопытно: ты сама их помяла или кто-то постарался? Можешь не отвечать. Но тогда не удивляйся, что люди додумывают за тебя.

Я резко поворачиваюсь к нему, глаза горят холодным огнём.

— Ты настолько тупой, что думаешь — я буду разговаривать с каким-то ничтожным парнем, который прячется за сигаретами и дешевой крутизной? Заткнись и проваливай.

Видимо, я разозлила его. Кирилл жёстко толкает меня, и я буквально вжимаюсь спиной в стену. Он нависает, его лицо в нескольких сантиметрах от моего уха.

— Ты думала, что можешь разговаривать со мной таким тоном? — шепчет он хрипло прямо в ухо.

Удерживает меня за плечи, не давая двинуться.

— Ты сумасшедший?! Отпусти меня! — восклицаю я.

Кирилл резко отдергивает руки, словно обжегшись, но его взгляд по-прежнему полон гнева и чего-то ещё.

— Сумасшедший? — переспрашивает он, отступая на шаг. Его голос звучит резко, но в нём уже нет прежней уверенности. — Может, и так... — бросает через плечо, разворачивается и уходит, оставляя меня одну в темноте коридора.

Чувствую, как дрожь медленно отпускает тело. Глубокий вдох. Выдох. Иду к себе в комнату. Даша и Ева уже спят. Ложусь на эту грязную кровать и тихо плачу.

Тёмная комната была наполнена шумным дыханием и моими тихими всхлипами. Слезы жгут щёки, но я даже не пытаюсь их вытирать. Просто лежу, уставившись в потолок, пока мысли крутятся в голове, как бешеные пчёлы.

Почему он вообще посмел... Почему я вообще позволила себя толкнуть?

Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони, но эта боль — ничто по сравнению с тем, как ноет сердце.

Мне больно так, будто внутри пустота, которая не зарастает ничем.

Я хочу к маме — не куда-то, а именно к ней, в её руки и голос, где мир снова становится нормальным.

Здесь я держусь, но это не значит, что мне не страшно.

Горло сжимается так сильно, что хочется кричать. Но я молчу — потому что Ева и Даша спят рядом. Потому что здесь нельзя показывать слабость. Потому что... Потому что так проще.

***

Утро у меня началось интересно. Я проснулась от того, что кто-то вылил на меня ведро воды. Спасибо, что не холодной.

Людмила поджала губы, глядя, как я вскакиваю с постели, вытирая лицо и кашляю от воды.

— Вы что с ума сошли?! — шиплю, жмурясь от солнечного света, проникающего в комнату.

Девочки стоят позади. Ева сложила руки перед собой и

опустила голову. Она выглядит испуганно. Даша же стоит прямо, сжимая губы, чтобы не улыбнуться. Очевидно, ее это рассмешило.

— Вставай, — приказала Людмила Степановна. — Ты опоздала на тридцать минут. Тебе надо со всеми умыться и собираться до завтрака.

Я встряхиваю головой, прогоняя остатки сна, и вытираю лицо. Злость накатила быстро — то, как она так пренебрежительно обращается, выводит из себя.

— Я знаю, — пожимаю плечами, поднимаясь и проходя мимо нее. — Могу и не завтракать.

Людмила Степановна резко хватает меня за руку, её пальцы впиваются в кожу.

— Не завтракать? — её голос звучит ледяно. — Ты что, на диете?

Даша подавляет смешок, но тут же замолкает, получив строгий взгляд воспитательницы.

— Всё равно пойдёшь. Сейчас же.

Я киваю сквозь зубы, стискивая челюсть так, что аж виски пульсируют. Даже не смотрю в сторону Людмилы — просто вырываю руку и открываю шкаф. Переодеваюсь в сухую одежду и бреду к двери.

Девочки шаркают следом, бросая на меня виноватые взгляды.

А Людмила Степановна впивается в мою спину взглядом словно пытаясь прожечь дыру. Но мне всё равно.

Мы зашли столовую. Тело дрогнуло от холода, несмотря на то, что одежда была сухой.

Я села за стол, бросив короткий взгляд на своих соседок. Ева сжалась сильнее, словно пыталась себя уменьшить, а Даша притворилась, что с интересом и большой серьёзностью смотрит в свою тарелку. Они что под чем-то?

Я хмурилась сильнее, рассматривая девочек. Они действительно выглядят напуганными. Всё ещё пытаются держать всё под контролем, но я легко различаю их напряжение.

Людмила Степановна вышла из столовой. Все моментально ожили, как только женщина вышла за дверь. В воздухе повисло ощущение негласной свободы — плечи распрямились, голоса зазвучали громче. Ева встала, её движения стали увереннее. Она пошла за своей порцией завтрака. Инга и её компания тут же последовали за ней, перешептываясь и хихикая.

В компании Инги было трое девочек. Сама Инга выглядит довольно приветливо, но её глаза холодны и мстительны. Катя Белкина, её подруга. Даша сказала, что ее сравнивают с Белкой из-за передних зубов. И еще она крыса. Часто палит всех перед взрослыми. Настя Глухова, известная как Тень, молчаливая.

— Извини, что не успела тебя разбудить до прихода Око-рока.

— А? — я повернулась к Даше, но тут же ахнула.

Катя выхватила тарелку из рук Евы и плюнула в ее ка-

шу. Остальные девочки начали смеяться. И никто не помогает Еве. Все сидят с таким видом, будто такое здесь каждый день.

Вот же мерзавки. Ева даже не сопротивляется. Просто стоит, опустив глаза, будто это нормально.

Катя ехидно ухмыляется, а Инга одобрительно хлопает её по плечу.

Я уже приподнимаюсь со стула, но вдруг чувствую, как Даша цепко хватается меня за рукав.

— Не лезь, — просит она. — Ты новенькая. Ты ничего не понимаешь.

Я отворачиваюсь, делая вид, что увлечена своей тарелкой. Глаза сузились, пальцы впились в пластиковый поднос так, что побелели костяшки.

Почему я вообще должна что-то делать? Мне все равно на каждого, кто находится здесь. Я не встаю. Не помогаю.

Ева молча берёт другую тарелку и отходит под хриплый смех Кати.

А я давлю в себе что-то колкое, острое, но заглушаю это. Мне плевать. Плевать.

Зал столовой наполнен приглушенным гулом голосов — кто-то смеется, кто-то спорит, кто-то торопливо доедает, пока взрослые не вернулись. Я равнодушно вожу ложкой по тарелке, размазывая холодную кашу.

Даша ест с преувеличенным аппетитом, чавкая и косясь в сторону Инги и её компании.

Я отодвигаю тарелку и откидываюсь на спинку стула, скрестив руки. Взгляд скользит по столу, потом к окну, к двери. Куда угодно, лишь бы не видеть этот цирк.

Перевожу взгляд на соседний стол, где сидят Кирилл, Слава и Дима. Они не шумят, в отличие от остальных — едят молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами.

Кирилл поймал мой взгляд — задержался на секунду, потом отвернулся.

Воспоминания пролетают перед глазами, и я жадно вспоминаю каждый миг — его руку на своей спине, тусклые, холодные глаза надо мной, его хриплый шёпот. И то как он толкнул меня. Я обязательно отомщу.

Никто не имеет право здесь толкать меня. Я никому не позволю обидеть себя — ни словом, ни взглядом, ни молчанием.

Мои границы — не просьба, а правило.

Если кто-то решит перейти их, он потеряет доступ ко мне навсегда.

Дима заметил мое внимание и криво ухмыльнулся, толкнув локтем Славу. Тот небрежно поднял глаза, оценивающе скользнул взглядом по нашему столику и вернулся к еде, словно ничего не интересно.

Я сжала зубы и резко отвернулась. Чёртов детский сад.

Позже я узнала расписание в детском доме на летний период. Хорошо, что я попала сюда летом, а не в школьный период.

Сначала подъем, умывание, уборка комнат. Воспитатели проверяют заправленные кровати и порядок. Потом завтрак. Кто опоздал — остаётся без еды или получает выговор. После обязательные занятия: спортивный час: футбол, волейбол, зарядка во дворе. Или "трудовая терапия" — прополка огорода, уборка территории. Дальше свободное время, но на самом деле под присмотром: рисование или рукоделие. Чтение в библиотеке, если её не закрыли "на ремонт". Либо снова работа — покраска заборов, помощь на кухне. Потом обед. После обеда тихий час.

Все обязаны лежать, даже если не спят. Воспитатели могут наказывать за шёпот.

Вот это относится к младшим. Старшие просто занимаются своими делами. После сна культурно-массовые мероприятия: просмотр советских фильмов. Викторины или "патриотические беседы". Иногда — экскурсия в музей под строгим контролем. Дальше ужин. Если кто-то провинился — могут оставить без еды "для воспитания". Потом личное время": прогулка во дворе, но не дальше. Общение, если не наказания. А после сон.

В детском доме строгость — это не про порядок, а про то, чтобы ты лишней раз не высывалась.

Тут быстро учишься молчать, быть «удобной» и не показывать, где болит.

Но я так жить здесь не буду: если я не буду держать свои границы, меня просто раздавят.

Мы все отправились после завтрака на площадку во дворе. В эту минуту девочки на соседнем поле гоняли шарик в воздухе, визжа от смеха. Я с досадой посмотрела на эту картину. Им явно весело, и нехотя отвернулась. Но тут мой взгляд приковывает Кирилл в компании других парней. Они бегают за мячом по полю, смеясь и поддразнивая друг друга. Кирилл подхватывает мяч, уворачиваясь от кого-то. Но тут Дима ставит ему подножку и тот падает. Они шуточно дерутся. Они счастливы.

У меня никогда не было верных и настоящих друзей, потому что я привыкла никому не доверять: в школе любая слабость быстро становилась поводом для насмешек или давления.

К тому же люди вокруг часто менялись: кто-то уходил, кого-то переводили, и привязанности обрывались, не успев стать дружбой.

Со временем я решила, что рассчитывать можно только на себя, и эта привычка не давала мне впустить кого-то в свою жизнь.

Но мне всегда хотелось лучших подруг — таких, с кем можно смеяться без оглядки и говорить о боли, не стыдясь.

Внутри жила тихая мечта: однажды найти «своих» и перестать всё тянуть на себе.

Я пытаюсь отвлечься, посмотреть на своих сверстниц на другом поле. Снова возвращаюсь взгляд к парням. Кирилл теперь стоит на месте со скрещёнными руками, что-то гово-

рит Диме.

Рядом на скамейку садится Даша. Я поворачиваюсь к ней. Та улыбается и показывает в руках розовый леденец — Чупа-чупс.

— Хочешь?— спрашивает она.

— Нет.

Я отвожу взгляд, игнорируя протянутый леденец. Даша пожимает плечами, закидывает вторую конфету в карман и причмокивает, продолжая смотреть на игры.

Тишина между нами тянется, пока ветер шевелит листья над скамейкой. Где-то вдалеке кричат мальчишки, но я чувствую только тяжесть в груди.

Даша вдруг косится на меня и говорит:

— Слушай, если ты его не возьмёшь, он у меня растает в кармане. Обидно будет, — бросает она, крутя палочку между пальцами. — Или ты принципиально против сладкого?

Её голос звучит детским, а в глазах — любопытство.

У нее рот вообще не закрывается. Я вздыхаю и протягиваю ей ладонь:

— Давай свой чупа-чупс.

Даша улыбается, вынимая конфету из кармана. Она кладет её в мою ладонь и пристально смотрит.

— Ну наконец-то, какая же ты упёртая, — смеётся она, откидываясь на спину. — Я уж думала, так и не возьмёшь.

— Я просто не ем сладкое.

Это была правдой. Может быть, это ещё с детства, когда

мама запрещала есть много сладкого, и я привыкла.

Даша закатывает глаза и смеется, но без злости — скорее, с какой-то странной снисходительностью.

— Да ладно, — бросает она. — Ты просто не пробовала мой любимый вкус.

Она улыбается, глядя на меня, и делает преувеличенно громкий чмок.

Я ничего не отвечаю. И все-таки Даша реально странная. Она прислоняется спиной к спинке скамейки, прикрыв глаза, и сосредоточенно грызет конфету, как будто на самом деле наслаждается вкусом. Со стороны слышны крики детей на площадке. Я сжимаю конфету в кулаке. Не буду ее есть. Взяла, чтобы она отстала.

Неожиданно в нашу сторону летит мяч и приземляется рядом. Мы обе смотрим на поле, где Кирилл только что забил гол.

— Отличный удар, Кир, — кричит Даша, махая рукой.

Дима, стоящий рядом, громко кричит:

— Девчонки, киньте мячик!

Мячик лежал с моей стороны. Я показательно удобнее устроилась, давая понять, что не собираюсь вставать.

Послышался голос Инги:

— Димка, сейчас кину!

Тот кивнул, поставив руки на колени и оглянувшись вокруг. Он явно ждал паса. Инга же взяла мячик обеими руками за края, как-то неловко. И, наконец, кинула его со сло-

вами:

— Держи, Димка!

Только не это. Это «Димка» — будто кто-то специально делает вид, что всё мило и легко, когда на самом деле ничего не мило.

Меня от таких ласкательных обращений передёргивает: звучит по-детски и как-то чужое, прилипшее.

Если уж говорить с парнем — то нормально: по имени или вообще без имени. Без этого.

Мяч пронзительно свищет, пролетая над головами. Дима готовится пружинисто подскочить и поймать его. Но тот рикошетит, попадая прямо в голову Евы. Мяч с грохотом ударил Еву по лбу. Она сжалась от боли, схватившись за голову слабыми руками.

— Ай! — стонет сквозь боль.

— Ты дура?! — крикнул Дима.

— Я случайно, Димочка, — запищала Инга и скосила взгляд на Еву. — Ты тупая?! Специально встала там?

Ева съёживается, её глаза наполняются слезами, но она не отвечает. Дима закатывает глаза и кривит губы.

— Ладно, ладно, — он махнул рукой. — Будь аккуратнее, Инга.

Инга же улыбается, ее глаза блестят от злорадства.

Серьезно, никто не понял, что она сделала это специально?

— А чего она встала?! — воскликнула Настя. — Не по-

везло. значит.

Даша тут же вскакивает и подбегает к Еве. Помогает ей. Она мягко обнимает её своими руками и что-то шепчет на ухо. Потом уводит в медпункт.

Слава чешет голову, оглядываясь по сторонам и поглаживая свой локтевой сустав.

— Вот глупая Инга, — ворчит он тихо. — Мяч, наверное, испортила уже.

Я посмотрела на Кирилла. Мне была интересна реакция. Но его выражение лица осталось спокойным, но взгляд безжалостным.

С другой стороны, Дима говорил что-то ему и Кирилл же молчал, опустив глаза вниз. Странные они тут все.

Я повернулась в сторону Инги. Ее никто не наказал. Она сидела ко мне спиной, поэтому я не могла разглядеть детали, но хорошо видела её длинные волосы, причесанные в гладкую причёску.

Инга красивая, этого не отнять: правильные черты, уверенная походка, взгляд, как будто ей тут всё принадлежит.

Но чем дольше на неё смотришь, тем яснее становится: внутри у этой красоты острые углы.

Она улыбается так, что хочется проверить, где спрятан подвох, и рядом с ней чувствуешь себя виноватой без причины.

Красивая — да. Только от неё неприятно, как от слишком холодного металла.

Рядом с ней сидели другие ее подружки. Инга держала в руках тушь. Красила ресницы. Захотелось как-то ей навредить. Только она может пакостить?

Я прошла мимо нее и случайно задела коленкой ее локоть. — Блин! — Инга дрогнула, испугавшись.

Капли туши расплескались по её лицу, оставляя на щеках толстые чёрные полосы. Все замолкли на мгновение, глядя на неё. А Инга злостно уставилась на меня. Я же продолжила шагать. Девочки перешептывались вслед за мной и Инга крикнула:

— Дура!

Я хотела было ответить ей, но тут пришла Людмила Степановна и все замолчали. Завуч строго оглядела всех. Инга стиснула зубы, но не посмела продолжать скандал.

По пути, я пересеклась со взглядом Кирилла. Взгляд тяжёлый, будто просверливает меня насквозь. Он стоял неподвижно, мяч зажат под мышкой, а уголок губ дёргался — то ли от злости, то ли от любопытства.

На секунду кажется, что он шагнёт в мою сторону, но вместо этого резко разворачивается и подходит к парням.

Сейчас у всех свободное время. Я иду в библиотеку. Библиотека пустынна и тишина в ней глухая. Сажусь за стол, оглядевшись по сторонам: вокруг только полки с книгами и несколько столов для чтения. Никого больше нет.

Я погружаюсь в чтение, когда вдруг слышу скрип двери и сильный запах сигарет. Я поднимаю голову и вижу Кирилла,

вставшего рядом с полками.

Он нахмурился, когда пробормотал:

— Тут есть что-то интересное, или только хлам?

— А что именно ты ищешь? — Лениво спрашиваю, положив локти на полку.

— Так я тебе и сказал, — хмыкает и сам подходит к полке, внимательно рассматривая книги.

Придурок. Я молча сажусь за стол и листаю книгу в руках. Краем глаза, вижу как Кирилл не сводит взгляд, наблюдая за тем, как я листаю книгу. И чего он ко мне пристал? Придумывает новый план, как навредить мне?

— Много читаешь? — с усмешкой спрашивает, прислонившись к столу.

— В отличие от тебя умею это делать.

Кирилл зло улыбается. Он кладёт руки на край стола и наклоняется ближе.

— Что читаешь хоть?

— Не твое дело, — раздраженно отвечаю я, пытаюсь скрыть обложку романтической комедии.

Я так и знала, что этот хулиган пришел ко мне не просто так. Хочет унижить меня. Кирилл схватывает книгу, удерживая её высоко, чтобы я не могла достать.

— А ты весьма секретная, да? — хмыкает он, с довольной улыбкой, открыв роман любовного комедийного жанра и перелистнув пару страниц.

— Отдай! — возмущаюсь я и поднимаюсь с места.

Он ухмыляется, прижимая книгу к груди.

— Не так быстро. Хочу взглянуть, на что ты тратишь своё драгоценное время.

Я бесцеремонно пытаюсь забрать книгу, но он ловко ускользает, держа её высоко.

— Я хочу прочесть, — неожиданно держа меня за талию другой рукой. Я тут же сжимаюсь под его прикосновениями, чувствуя противный холодок.

— Отпусти!

Я сжимаю челюсть, пытаюсь отодвинуться, но Кирилл держит крепко.

Собравшись с силами, я ударяю его коленом в пах. Кирилл сгибается от удара. Он хрипит от боли и отпускает меня.

Библиотека наполняется его прерывистым хрипом. Кирилл приседает, схватившись за низ, лицо искажено гримасой боли. Он поднимает взгляд — в глазах мелькает ярость.

Я отступаю на шаг, книжка с ромкомом валяется на полу.

— Ты... — он выпрямляется через силу, голос хриплый.

Я вижу черные от ярости глаза парня и пугаюсь. Он выше меня в два раза, да и крупнее. По сравнению с ним, я маленькая. Очень маленькая. Кто знает, что он может сделать?

Я никогда в жизни не дралась. Ни разу. Даже когда хотелось — руки всё равно не поднимались, будто внутри стоял запрет.

Тем более на парней: там другой вес, другая сила, и после такого всегда виноватой делают меня.

Я не умею бить — я умею держаться и не показывать страх, хотя внутри всё дрожит.

Поэтому я тут же выбегаю из библиотеки и бегу в свою комнату.

5 часть.

Я влетаю в комнату и захлопываю дверь. Сердце колотится, а в голове все еще мелькает его яростный взгляд. Я прижимаюсь спиной к двери и медленно сползаю на пол.

— Ты чего такая красная? — голос Даши выводит меня из мыслей.

Я вздрагиваю и быстро оборачиваюсь.

— Ничего, я просто... — голос дрожит по-прежнему.

Даша подходит, чтобы усадить меня рядом с собой, подняв брови в тревоге и заботе.

— Стала бледной, будто прогнала самого Дьявола. Что случилось?

— Все в порядке, — я сглатываю и кошусь на лежащую Еву. — Спит?

— Медсестра сказала, что ей нужно отдохнуть. Сильный удар в голову прилетел.

У Евы равномерно вздымается грудь. Она спит спокойно, держа голову забинтованной.

— Понятно, — сухо киваю я.

Даша вытаскивает чипсы из под подушки и зубами откры-

вает пачку, протягивая мне.

— Ешь. — Она улыбается, глядя на мое бледное лицо. — Спокойнее будешь.

— Откуда у тебя чипсы? — искренне удивляюсь я.

Мне объяснили, что тут еду прятать нельзя, потому что за каждым куском следят, как будто голод — это дисциплина.

Спрячешь хлеб или конфету — сразу решат, что ты ворует, копишь, «мутить» что-то собираешься.

А ещё это повод для обысков, крика и чужих рук в твоих вещах, будто у тебя вообще нет права на своё.

Проще съесть всё сразу и сделать вид, что тебе не надо, чем потом объяснять, почему ты просто хотела оставить что-то на потом.

Даша смеётся, вытаскивая из-под подушки ещё одну пачку.

— А где их у нас нет? — хихикает она, размахивая чипсами перед моим носом. — Ты вообще знаешь, сколько зачак у меня в этой комнате?

Она показывает на шкаф, кровать, подоконник, хвастаясь своей предусмотрительностью. Я киваю, но не притрагиваюсь к чипсам.

Наступает время для просмотра фильмов. Все собираются в актовом зале. Мы с Дашей проходим в зал, где уже собрались другие ребята. Ева тоже пришла, но сидела в углу, держась за голову.

Кирилл пока не видно — может, он пропустит кино из-

за случившегося?

Фильм начинается, но я всё ещё нервничаю. Кирилл большой на голову. Я боюсь представить как он мне отомстит. Даша пристально следит за мной, переживая видимо. В какой-то момент дверь открывается и входит Кирилл с друзьями. Он не замечает меня. Парни садятся вперед. Разговаривают между собой о чём-то. Дима поворачивается и смотрит на меня, а потом толкает Кирилла, кивая в мою сторону. Кирилл оглянулся и поймал меня взглядом — задержал его на пару секунд, не моргая. Лоб у него чуть нахмурился, а в глазах появилась холодная ясность, от которой стало не по себе: он не удивился и не заинтересовался — он запомнил. Этот взгляд говорил без слов: «тебе хана». Потом Кирилл спокойно отвёл глаза, будто уже решил, как именно мне будет «хана».

Всё хорошо. Просто дыши. Я смогу дать отпор или только сделаю вид?

У меня нет привычки лезть в драку, но я и не хочу снова проглотить чужую наглость.

Главное — не показать, как внутри трясёт, и не дать ему понять, что меня можно продавить.

В зале темно. Мягкий свет от телевизора освещает несколько лиц. Я расслабляюсь. Казалось, все хорошо. В полном спокойствии, я досмотрела вместе со всеми фильм. Мы выходим из зала, но тут меня хватают за запястье и тянут в сторону, закрыв рукой рот. Резкая боль в запястье. Чья-то

сильная рука тянет меня в тёмный коридор.

Кирилл прижал меня к стене так близко, что я почувствовала его дыхание. Ладонь всё ещё закрывала рот, пальцы на запястье сжимали до белых пятен.

— Думала, сбежишь? — прошипел он. — Думаешь, можно сделать вид, что ничего не было?

Я дёрнулась, пытаюсь высвободить руку, и в голове стучало одно: не паниковать, не давать ему удовольствия.

— Убери руку, — выдавила я, когда он на секунду ослабил хватку, и посмотрела прямо, заставляя голос звучать ровно. — Сейчас же.

Он склонился ниже, злость в глазах была холодной, не громкой.

— Ты мне должна, поняла? — сказал он тихо. — И я не люблю, когда меня выставляют дураком.

Где-то в конце коридора что-то скрипнуло, и этот звук стал единственным шансом: я резко рванула в сторону, одновременно наступив ему на ногу и выскользнув из-под руки.

— Тронешь меня ещё раз — я подниму шум, — бросила я и отступила к свету, не отворачиваясь. — На весь этаж.

— Поднимешь шум? — сухо переспросил он и усмехнулся одним уголком губ. — Поднимай. Тут шумят каждый день, Ника.

Он сделал шаг к свету, но остановился на границе, не выходя полностью.

— Только запомни: ты сама это начала.

Я чувствую как ледящий страх сковывает мое тело. Сердце колотится так громко, что кажется, его слышно на весь коридор.

Мне кажется, что в этом детском доме у всех что-то сломано в голове — не от рождения, а от того, что слишком долго приходилось выживать. Особенно у Кирилла.

И самое страшное — это выглядит нормой: будто здесь так и надо, будто иначе тебя просто съедят.

А я смотрю на это и думаю: я тоже стану такой, если не буду держаться изо всех сил?

Губы дрожат, но я стискиваю зубы, чтобы не выдать свою слабость.

— Ты... ты меня вообще не пугаешь, — выдыхаю я, но голос предательски срывается.

В глазах Кирилла вспыхивает что-то опасное — удовлетворение от моего страха? Ярость? У таких больных только такое на уме.

— Никуда ты уже не денешься, — прохрипывает он, приближаясь всё ближе.

Не успеваю опомниться, как чувствую на своём лице его тяжёлое дыхание. Палец Кирилла проводит по моей щеке. Он жадно следит за моей реакцией — мое побледневшее лицо, дрожащие губы. Я чувствую только одно — отвращение. У меня сжалась кожа под его прикосновениями.

— Ты псих.... больной!

— Я не псих. И не больной.

Тут мы слышим голос Даши. Она резко отстраняет Кирилла от меня и возмущается:

— Что здесь происходит?! Кир, что вы делали?

Кирилл отпускает меня, отступая назад. В воздухе зависла неловкая пауза.

— Всего лишь разговаривал, — отмахивается он, натянуто улыбаясь, — не суетись так.

Всего лишь разговаривал?! Да он хотел меня убить!

— Сорян, Кир, — рядом появляется запыхавшийся Дима.

— Она вынудила меня рассказать где вы.

Кирилл оглядывается на Диму, поджав губы.

— Подкаблучник, — он обратил взгляд на Дашу, потом на меня, я обхватила кисть за запястье.

Меня трясло от всего, что произошло. Теперь я была просто в шоке.

Даша тут же с беспокойством оглядела меня:

— Ты в порядке, Ник... Вероника?

— Вы все больные! — злость накатывает. — Вы все тут сумасшедшие на голову!

Я с бешеной скоростью убегаю. Мчусь по коридору, в голове одна мысль — убежать подальше от Кирилла, пока он не сделал ещё что-то страшнее. Я ощутила как что-то сжимало мой желудок в тесный узел. Мне приходилось держать руку у рта, чтобы не выпустить крик изнутри.

Как такое могло произойти, да ещё в коридоре, где всё было хорошо ещё несколько минут назад? Разные сцены

прокручивались в голове. Я прячусь под лестницей. Тяжело вздыхаю, пытаюсь успокоить своё быстрое дыхание.

Проговариваю с каждым выдохом:

— Всё хорошо... всё хорошо...

Всхлипываю, разглядывая красные отметины на своей коже. Я ощущала пульсацию в каждом синяке, словно они горят и напоминают мне о том, что произошло.

Кажется, слёзы готовы хлынуть, но я стискиваю зубы, заставляя себя не плакать.

Мне страшно, стыдно, одиноко и я не знаю, кому теперь доверять.

Не знаю сколько часов я сижу под лестницей, но уже стемнело.

Почему никто меня ещё не нашёл? Или, может быть, все уже забыли?

Я прижимаюсь к своей груди обеими руками, тяжело вздыхая, чувствуя себя одинокой как никогда раньше.

Слышатся шаги и я вижу перед собой Дашу. Она выглядит сильно озабоченной, когда склоняется надо мной.

— Вероника, ты в порядке?

Я ничего не отвечаю. Даша присаживается рядом и наблюдает за мной тревожным взглядом.

— Прошу тебя, говори со мной. — Проходит неловкая пауза и она сглатывает, произносит в тишине низким шепотом.

— Я уже отругала Кирилла за его выходку.

Тишина. Только мое тяжёлое дыхание и далёкие шаги в

коридоре. Даша сидит рядом, не касаясь меня, но наши плечи почти соприкасаются. В темноте под лестницей — два силуэта: один сжавшийся в комок, другой прямой, как струна.

— Ладно, — наконец говорит Даша, глядя в потолок. — Можешь молчать. Но я не уйду.

Её голос твёрдый, но в нём нет давления. Просто констатация: она не уйдёт.

И тут слеза скатывается по моей щеке. Даша заметила слезу — она мгновенно обернулась, чтобы посмотреть на меня.

Я чувствую, как ком подступает к горлу — горячий, колючий, невыплаканный. Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, но это не заглушает тупую боль в груди.

Мама — это слово вертится в голове, как проклятие и молитва одновременно. Я ненавижу этот детский дом, эти стены, этот запах лекарств и пыли. Ненавижу Кирилла, его друзей, этих чужих людей вокруг. Но больше всего — ненавижу себя за то, что не могу просто уйти.

Слёзы теперь льются беззвучно — солёные, обжигающие. Я не вытираю их, пусть видят, пусть знают, как мне плохо.

А где-то далеко — мамины руки, мамино «всё будет хорошо», настоящий дом, который, кажется, никогда не вернётся.

Даша неожиданно говорит:

— Ты сейчас как птица в клетке. Но помни — даже самые крепкие решётки однажды ржавеют. И тогда наступает полёт.

Её слова звучат как обещание: «Я буду рядом, пока ре-

шётки не сломаются».

Не знаю почему, но мне хочется узнать ее историю. Я резко спрашиваю:

— Как ты попала сюда?

Даша хмыкнула от удивления.

— Отличный вопрос на ночь. — Она оглядела меня внимательнее, будто раздумывая, что она может рассказать и рассказать ли вообще, но потом вздохнула:

— Моя мама ушла пять лет назад по своей воле.

Она отворачивается, но её голос остаётся спокойным, будто она повторяет эту историю уже не первый раз.

— Я долго думала, что она вернётся, если я буду идеальной. Но в итоге она выбрала других детей.

Теперь я поняла, почему Даша так цепляется за всех здесь. За меня, за Еву. Она просто не хочет, чтобы кто-то ещё чувствовал себя брошенным.

— Как это выбрала других детей? — я вытираю слезу.

Даша резко втянула воздух, будто даже сейчас эти слова жгли ей губы.

— Она вышла замуж. За человека, у которого уже были свои дети. — Её пальцы бессознательно сжали край свитера. — «Ты же взрослая, Даш, ты справишься». Вот и вся её причина.

Глаза Даши стали остекленевшими, но слёз не было — только горькая усмешка.

— А потом я узнала, что она родила им ещё одного. Маль-

чика.

Тишина после этих слов была гуще темноты под лестницей. Я сжала кулаки ещё сильнее, губы сжались в тонкую нить.

— Капец.

Самое больное — не то, что мама ушла, а то, что в другой семье у неё нашлось место для нового ребёнка, а для Даши — нет. Она не стала прошлым из-за времени, она стала прошлым по её выбору.

Внутри бушует шторм эмоций, но я не позволяю им прорваться наружу.

Моя мама меня так не бросит. Она не может бросить меня здесь. Она вернётся за мной. Она вернётся. Она обещала.

Даша встает и протягивает мне руку:

— Пойдем? А то уже поздно.

Я вздрагиваю от прикосновения, но не сопротивляюсь, когда Даша осторожно тянет меня вверх.

— Пошли.— Произношу хрипло, разглядывая наши сплетённые пальцы.

Мы заходим в комнату. Ева уже спит. Ложимся. Я поворачиваюсь на бок и шепчу:

— Даша.

— Что такое? — шепчет в ответ она, поворачиваясь ко мне.

— Можешь звать меня Никой.

— Хорошо. Я буду звать тебя Никой.

6 часть.

Мне снился сон. Я маленькая. Мама прижимает меня к своей груди, и я чувствую её тепло и защиту. Я улыбаюсь. Она чмокает меня в носик, а потом смеётся своим звонким смехом, который заставляет меня улыбаться ещё шире.

Голос Даши возвращает меня в реальность:

— Ника, просыпайся! Сейчас Окорок придет и будет ругаться.

Я открываю глаза, чувствуя, как утренний свет проникает в комнату. Мое сердце всё ещё согревает сон про маму.

— Что? — моргаю, сонно глядя на Дашу. — Уже утро?

Она кивает, улыбаясь уголком рта.

— Да. Окорок будет здесь через несколько минут. И она точно начнёт ругаться.

Я поднимаюсь с кровати и шумно зеваю, оглядываясь. Евы в комнате нет.

— Где Ева?

Даша отмахивается:

— Она у медсестры.

Стоя около своей кровати, я поглаживаю пряди волос, всё ещё чувствуя, как сон тянет меня обратно в реальность. И вдруг, слышу шаги в коридоре. Окорок появляется на пороге и смотрит на нас, её взгляд строгий как всегда.

— Доброе утро, девушки, — она произносит ровным го-

лосом, медленно обводя взглядом комнату. — Ночь была спокойной?

Даша резко выпрямляется.

— Все спокойно, Людмила Степановна.

— А почему вы спрашиваете? — удивляюсь я такому вопросу.

— Мне сообщили, что некоторые дети прячут еду в своих комнатах.

Я напрягаюсь, будто меня поймали на мысли, хотя я ничего не прятала. А вот Даша прятала.

В комнате сразу становится тесно от тишины — каждый дышит осторожнее, чтобы не выдать себя.

Даша сглатывает и сильнее расправляет плечи.

— У нас ничего такого нет, Людмила Степановна, — говорит она слишком ровно.

Окорок медленно кивает, словно уже слышала это тысячу раз.

— Я рада. Тогда мы быстро всё проверим и закроем вопрос, — произносит она спокойно. — Откройте тумбочки. И сумки.

Я чувствую, как внутри поднимается злость: не на неё даже — на то, что тут нас всегда заранее считают виноватыми.

Даша торопливо тянется к своей тумбочке, выдвигает ящик. Дерево скрипит громче, чем должно.

Я делаю то же самое, стараясь не показывать, как неприятно, когда чужой взгляд лезет в твои вещи.

Окорок прищуривается, но, к счастью, просто кивает:
— Ладно. На завтрак всем построиться через пять минут.
Мы молча киваем. Окорок уходит.

Даша прижимает ладонь к груди и выдыхает так, будто только что вынырнула из ледяной воды.

— Фух... чуть чипсы мои не попались!

— Тебя бы за это сильно отругали.

Даша пожимает плечами и пытается усмехнуться, но улыбка получается нервной.

— Один пакет. На потом. Не конец света.

— Здесь «на потом» не существует, — отрезаю я и хватаю кофту, натягивая рукава.

Даша торопливо засовывает пачку глубже, придавливает сверху учебником и оглядывается на дверь.

— Я просто не могу по-другому, понимаешь? Иногда хочется.

Я на секунду задерживаю взгляд на её руках — они дрожат, хоть она и делает вид, что ей плевать.

— Понимаю, — говорю я наконец сухо. — Но если тебя поймают, я тебя вытаскивать не смогу.

Из коридора доносится голос воспитателя:

— Построение! Быстро!

Даша резко встаёт, поправляет волосы, будто ничего не было.

— Ладно. Пошли. И никому, хорошо?

Я киваю, и мы выходим, где уже слышны голоса других

детей. Утренний холодок заставляет меня приобнять себя за плечи, но солнце, пробивающееся через грязные окна, обещает хоть какое-то тепло.

Даша шутливо толкает меня локтем:

— Главное — не смотреть Людмиле Степановне в глаза, когда будем брать кашу. А то заставит читать вслух «Правила поведения за столом».

— Ага. И ещё заставит есть эту кашу с выражением благодарности на лице, — бормочу я, шагая рядом и поглядывая вперёд, где уже собираются остальные.

Даша делает вид, что торжественно расправляет плечи.

— «Каша — это дар. Ложка — это ответственность», — шепчет она заговорщически и закатывает глаза.

— Перестань, — одёргиваю я, но тихо, чтобы не привлечь внимания. — Тебе весело, а потом надо отдуваться, если ты ляпнешь это вслух.

Мы заходим в столовую. Тепло ударяет в лицо — тяжёлое, с запахом варёной крупы и хлорки. Где-то звякают ложки, кто-то уже шепчется, кто-то молчит, уткнувшись в стол.

Мы подходим к раздаче. За спиной кто-то толкается, впереди девчонка слишком медленно выбирает хлеб. Я чувствую, как в животе сжимается напряжение, будто сейчас проверка, не завтрак.

Людмила Степановна стоит у стола, наблюдает, как мы подходим, и её взгляд скользит по лицам, задерживаясь на секунду дольше, чем надо.

Мы садимся за стол, и на секунду кажется, что сегодня может получиться не такой уж плохой день.

Я замираю, уставившись на плитку шоколада, аккуратно лежащую на моем месте. Даша, заметив мое замешательство, тут же наклоняется ближе и шепчет:

— Это твое?

Я пожимаю плечами. Шоколадка недешевая, с орехами, та, что в лавке при интернате никто не покупает, потому что слишком дорого.

«От кого...?» — мелькает мысль, но я качаю головой.

Может, Людмила Степановна? Решила извиниться за свою грубость? Хотя вряд-ли. Такие, как она, не извиняются — они считают, что всегда правы. По ней и так видно: строгая, жёсткая, с лицом, на котором извинение просто не держится. Если она и подойдёт, то не чтобы смягчить, а чтобы снова напомнить, кто здесь главный.

Ева входит в столовую уже без перевязанной головы и садится напротив.

Она молча пьёт чай, но её глаза скользят по плитке шоколада.

Конечно, я заметила их взгляды на шоколадку. Уверена, что тут такое редко подают ребятам.

Я поделила плитку на три части, и Даша выглядела удивлённой. Я протянула им плитки. Даша смотрит на свою часть шоколада, а затем неуверенно забирает ее. Её щеки покраснели, и она выглядит смущенной.

— Это слишком мило с твоей стороны, — она робко улыбается.

Мне становится неловко. Я делаю вид, что не услышала этих слов и протягиваю другую плитку Еве. Ева замирает с куском шоколада в руке, её брови дёргаются, будто она не верит своим глазам.

— Спасибо, — она резко отводит взгляд в сторону, проглатывая комок в горле.

Но я вижу — её глаза блестят. Она медленно откусывает крошечный кусочек, будто боясь, что шоколад исчезнет.

Даша тихо смеётся.

— Мы никогда раньше не пробовали такой дорогой шоколад.

— Здесь нет ничего такого, — я пожимаю плечами. — Это обычный шоколад. Не стоит благодарностей.

Ева кладёт шоколад на свою тарелку, будто это нечто ценное.

Даша наблюдает за реакцией Евы, её губы сжимаются в улыбку.

Я резко поднимаю голову и пересекаюсь со взглядом Кирилла. Кирилл сидит слегка отклоняясь назад, его глаза с интересом смотрят прямо на меня, будто изучая. Его взгляд пересекается с моим и он сразу же отворачивается, делая вид, что слушает болтовню Славы.

Я хмурюсь. Неужели, эту шоколадку подарил мне Кирилл? Извиняется за вчерашнее?

Я раздражена. Он, должно быть, думает, что сможет подкупить меня этой шоколадкой!

Я чувствую жгучее чувство раздражения, когда вспоминаю его поведение в последнее время, особенно после вчерашнего.

«Придурок» — мой внутренний голос звучит очень недовольно.

Даша глядит на мою тарелку и спрашивает:

— А ты почему свою часть шоколада не ешь?

— Ты забыла? — я сухо хмыкаю и двигаю свой шоколад к ней. — Я не ем сладкое.

После завтрака Окорок выстроила всех в шеренгу и вывела на утреннюю прогулку. Летний воздух свеж, под ногами хрустит трава. Группа растянулась по дорожке — кто-то болтает, кто-то ковыряет землю носком ботинка.

Даша идёт рядом, задумчиво жмурясь на солнце:

— Эх, сейчас бы обратно в кровать, — стонет она, но в глазах искринки — видно, что не серьёзно.

— Ты любишь много поспать? — спрашиваю я.

— Люблю, — отвечает она и лениво потягивается, чуть не задевая меня локтем. — Это единственное место, где от тебя ничего не требуют. А ты что, из тех, кто встаёт по звонку и сразу бодрая? Не верю.

— Не бодрая. Просто привыкла, — отвечаю я и смотрю вперёд, где воспитательница идёт, не оборачиваясь.

Даша пару шагов молчит, потом наклоняется ближе, что-

бы слышала только я.

— Привыкла — это когда уже не хочется или когда нельзя?

Я бросаю на неё быстрый взгляд.

— Когда нельзя. Тут либо поднимаешься сразу, либо тебя поднимают. И это всегда хуже.

Даша кивает, почесав нос.

— Ладно, убедила. Но если бы у меня был выбор... — она мечтательно закатывает глаза. — Я бы спала до обеда. А потом ещё час, чтобы «проснуться красиво».

Я невольно улыбаюсь.

— «Проснуться красиво» — это как?

— Чтобы никто не орал, — шепчет она с видом эксперта. — Чтобы чай сам появился. И чтобы вообще никто не трогал.

Сзади Катя толкает Дашу плечом, пробегая вперёд. Она дёргается, но быстро делает вид, что ей всё равно.

— Видишь? Даже мечтать тут мешают, — бурчит она.

Я смотрю, как солнечный свет ложится на дорожку пятнами, и думаю, что, наверное, правда люблю сон — просто не могу себе в этом признаться.

Ева молча идет рядом. Я искоса поглядываю на нее. Интересно, почему она такая тихая? Скромная до невозможности. Ни слова лишнего, будто боится даже дыхание громко сделать.

Ева опустила глаза, пальцы нервно теребят край тонкой

кофточки. Кажется, она чувствует мой взгляд на себе, но не поднимает головы.

Компания Кирилла держится позади, руки в карманах, взгляд упорно избегает моей стороны. Но я чувствую — он краем глаза следит за мной. Хочет снова напакостить мне?

Тут резко появляется между мной и Дашей Дима. Он кладет руку на ее плечо и весело восклицает:

— Дашка, придешь же сегодня на дискач в актовЫй? Око-рок, Грош и Анка уезжают на совещание в центр.

— Конечно, приду. В конце концов, я должна увидеть, как ты зажжешь сегодняшнюю дискотеку!

Дима звонко смеется.

— Тогда договорились!

Он кидает на меня взгляд и ухмыляется:

— Стерву тоже можешь взять с собой.

— Дима, — с укором говорит Даша. Дима невинно хлопает глазами и уходит. Идиот.

— Ты не обращай внимание, — вздыхает Даша, глядя на мое злое выражение лица. — Дима хороший, просто дурачок.

— А его друг еще лучше, — недовольно шепчу я.

— Что?

— У вас тут часто бывают такие дискотеки? — задаю вопрос, меняя тему разговора.

— По выходным, как правило, когда взрослые уезжают на какие-нибудь собрания.

Я бросаю взгляд в сторону Евы, которая идёт, всё так же молча.

— И вы ходите?

— Я да, а Ева ни разу не приходила! Хотя сегодня, возможно, впервые соизволит прийти.

Ева поднимает на Дашу недовольный взгляд, но молчит, погружаясь обратно в свою тишину.

— Но если ты пойдёшь, — тихо добавляет Даша, уже серьёзно, — может, и она согласится.

— А у вас там вообще интересно? — хмыкаю я.

— Конечно! Мы собираемся, слушаем музыку, танцуем, болтаем, а иногда ещё и алкоголь пронесем, если есть возможность попробовать.

— Понятно.

Даша тянет меня за рукав и шепчет в ухо:

— Сходим туда вместе. Может, тогда у нашей молчаливой Евы хватит смелости тоже присоединиться к веселью.

Я шепчу в ответ:

— Она всегда такая молчаливая?

Даша смешно кивает:

— Угу. Раза два в год от силы открывает рот, чтобы что-то сказать. Даже когда нам приходится работать в одной команде или что-то такое. Почти невозможно заставить её хоть что-то сказать. Хотя, может, с тобой она будет вести себя по-другому?

— Почему ты так думаешь? — удивилась я.

Даша лёгким движением подкручивает прядь волос вокруг пальца, прищуриваясь в сторону Евы.

— Ну... — понижает голос. — Она никогда не брала ни от кого ничего. А сегодня ты предложила шоколад и она взяла его. Так что...

Она пожимает плечами, но в её глазах — лукавый огонёк.
— Может, ты особенная?

Ни слова не говоря, я пожимаю плечами в ответ. Дети здесь все какие-то странные.

После утренней прогулки, я шагала по коридору. Заметила компанию Кирилла возле подоконника. Дима стоял, прислонившись спиной к холодному стеклу окна, а его руки находились в карманах штанов. Кирилл сам сидел на подоконнике. Слава стоял рядом, скрестив руки на груди, глаза были устремлены в окно.

Я прохожу мимо, бросая на них короткий, но ядовитый взгляд. Дима чувствует его и медленно поворачивает голову в мою сторону. Его глаза встречаются с моими, но я отворачиваюсь, скрепя зубами.

Я уже почти прошла, когда за спиной раздался спокойный, ленивый голос Димы:

— Эй, стерва.

Я не остановилась. Только шаг сбился на долю секунды.

— Оглохла что-ли?

Я медленно обернулась, стараясь не показать, как внутри всё сжалось.

— Мне неинтересно с тобой разговаривать.

— А тебя не спрашивали, — бросил он и сделал шаг в мою сторону, перекрывая половину коридора. — Я смотрю, ты много себе позволяешь.

— Я просто прошла мимо.

Дима посмотрел на меня сверху вниз и коротко усмехнулся.

— Ты прошла мимо так, будто плюнула. Здесь за такое обычно отвечают.

Я удерживаю взгляд, хотя внутри всё горит от злости и страха одновременно.

— «Обычно» — не значит «со мной», — говорю я ровно.

Дима чуть наклоняет голову, будто прислушивается, а потом лениво переводит глаза на Кирилла.

— Слышал? — спрашивает он без улыбки.

Вместо него отвечает Слава:

— Смелая.

Дима смотрит на меня.

— Смелая — это когда знаешь, что делаешь. А ты просто дерзишь, потому что думаешь, тебя никто не тронет.

Я делаю шаг в сторону, пытаюсь обойти, но Дима двигается так же спокойно и перекрывает проход, не касаясь меня. Просто становится там, где я собиралась пройти.

Слава наконец отрывается от окна и бросает коротко:

— Дим, не затягивай.

Дима даже не поворачивается к нему.

— Я не затягиваю, — говорит он сухо. И мне: — Выбирай. Либо ты сейчас нормально объясняешь, в чём проблема, либо дальше будет неприятно.

— Проблема в том, что ты решил, будто можешь командовать всеми, — отвечаю я, и в голосе вылезает яд. — И что тебе всё сходит с рук.

На секунду Дима замирает. Лицо становится спокойнее, и от этого страшнее — как перед щелчком.

— Я не командую, — говорит он тихо. — Я слежу, чтобы здесь не было бардака. И ты этот бардак устраиваешь.

Дима хмыкает, а потом, будто между делом, добавляет:

— Людмила Степановна сегодня злая. Не нарывайся.

Он делает полшага ближе, и я автоматически упираюсь спиной в стену — коридор вдруг становится узким.

— Последний раз спрашиваю, — произносит он ровно. — Ты понимаешь, как надо себя вести, или будем учить?

Кирилл медленно слез с подоконника и подошёл так близко, что Диме пришлось чуть отступить, чтобы не столкнуться плечом. Кирилл даже не посмотрел на меня сначала — взгляд был только на Диме.

— Завязывай, — сказал он тихо и сухо. — Я сам.

Дима приподнял брови, будто хотел пошутить, но передумал.

— Серьёзно? — бросил он, уже отходя.

Кирилл кивнул в сторону Славы.

— Вы — идите. Оба.

Слава без слов оттолкнулся от стены и двинулся по коридору, Дима пошёл следом, оглянувшись напоследок. Кирилл дождался, пока они отойдут, и только тогда перевёл взгляд на меня — прямой, тяжёлый, без лишних эмоций.

Я молча выдержала паузу, специально заставляя его первым заговорить. Потом Кирилл медленно оглядел коридор — нет ли рядом лишних ушей и снова посмотрел на меня.

— Значит так, — сказал он ровно. — При них ты можешь строить из себя кого угодно. Со мной не надо.

Я сжала челюсть.

— А я и не строю.

Он чуть прищурился.

— Ты вчера бросила взгляд. Сегодня — ещё один. Хочешь войну — получишь. Только потом не удивляйся.

— Это ты меня пугаешь? — я подняла подбородок, хотя ладони вспотели.

Кирилл сделал шаг ближе, но всё ещё не касался.

— Я предупреждаю, — сухо поправил он. — Разница большая.

Я попыталась обойти его справа. Кирилл просто сместился, перекрывая проход телом, спокойно, без суеты.

— Куда так спешишь? — спросил он. — Раз уж решила смотреть на меня так, будто я тебе должен — скажи прямо, что не так.

— Не так то, что ты тут всем распоряжаешься, — вырвалось у меня. — Словно это твой дом.

Кирилл на секунду замолчал, и его лицо стало каменным.

— Это не дом, — сказал он тихо. — И ты это прекрасно знаешь.

Он наклонился чуть ближе, голос стал ещё ниже:

— Слушай внимательно. Я не трогаю тех, кто не лезет. Не проверяй, где у меня заканчивается терпение.

Я почувствовала, как в горле пересохло, но взгляд не отвела.

— А если я не собираюсь прогибаться?

Кирилл выпрямился и коротко кивнул, будто принял ответ.

— Тогда учись стоять ровно, — сказал он. — И отвечать за каждый шаг.

Он сделал полшага в сторону, наконец освобождая проход.

— И шоколадка была от меня. Я хотел извиниться за вчерашнее. А теперь иди.

Я сжимаю зубы, подавляя желание грубо ответить.

— Зачем?

— Че зачем?

— Зачем ты сделал это?

— Хотел извиниться за вчерашнее.

— И ты, серьёзно, решил, что достаточно, просто положить шоколадку на мою тарелку?

Кирилл смотрит на меня пару секунд, будто решает, стоит ли вообще что-то объяснять. Потом пожимает плечом —

коротко, почти лениво.

— Достаточно — чтобы ты поняла, что я не враг, — говорит он сухо. — И чтобы не таскаться с извинениями по коридорам.

Я прищуриваюсь.

— То есть ты покупаешь прощение?

— Нет, — отрезает он. — Я закрываю вопрос.

Он чуть наклоняет голову, голос остаётся ровным, но жёстким:

— Вчера я перегнул. Сказал — вот знак, что признал. Ты можешь не принимать. Это твоё право.

Кирилл делает шаг назад, давая мне место пройти, и добавляет, уже холоднее:

— Только не устраивай из этого спектакль. Не хочешь — выброси.

Я коротко усмехаюсь, но смех выходит сухим.

— Как удобно.

Кирилл не реагирует. Только смотрит прямо, как на задачу, которую надо решить без лишних эмоций.

— Мне не надо твоё спасибо, — говорит он. — Мне надо, чтобы ты не лезла в то, что здесь работает.

— «Работает»? — я делаю шаг ближе и тут же жалею: он слишком спокойно держится. — Это когда ты хватаешь людей в коридорах и решаешь, кто прав?

Его челюсть напрягается.

— Я тебя не трогал, — отвечает он ровно. — И не соби-

рался.

— Есть ли у тебя хоть какие-то границы? — вырывается у меня.

Кирилл на секунду молчит, потом кивает, как будто отметил что-то важное.

— Есть, — говорит он. — Не трогай моих и я не трону тебя. Всё просто.

— «Твоих»? — я холодно смотрю на него. — Они не твои.

Он чуть усмехается, но без тепла.

— Здесь все чьи-то, Ника. Ты просто пока не поняла, чья ты.

От этих слов внутри что-то неприятно дёргается. Я сжимаю пальцы так, что ногти впиваются в ладонь.

— Я ничья, — говорю я медленно.

Я здесь только на несколько дней.

Кирилл смотрит на меня ещё пару секунд, потом отводит взгляд в сторону, будто в нём что-то устало щёлкнуло.

— Ладно. Только учти: шоколадкой я не «покупал». Я показал, что могу быть нормальным.

Где-то в конце коридора хлопает дверь, слышны шаги воспитателя. Кирилл замечает это первым и чуть отступает, возвращая на лицо обычное спокойствие.

— Иди, — говорит он уже совсем буднично. — Пока нам обоим не устроили лишние вопросы.

7 часть.

Я сидела в своей комнате, скрестив ноги на кровати. Глаза пусто смотрели на свои ногти. Лак уже давно потускнел и начал отслаиваться у основания. Волосы рассыпаны по подушке как водопад. Где-то в голове пронеслось, что нужно перекрашивать ногти. Но руки так и оставались на коленях.

Как они посмели так со мной разговаривать?

Из этих сумасшедших троих самый вспыльчивый — Дима. Он заводится с полуслова, будто ему всегда нужно доказать, что он не слабый. Это я уже поняла. Кирилл может давить молча, Слава — просто стоять рядом и молчанием усиливать чужую уверенность, а Дима вспыхивает первым. И именно поэтому с ним опаснее всего — он не думает о последствиях, он делает.

Даша перебирала вещи в своем шкафу, пробуя одежду, придирчиво рассматривая себя в зеркало. Слышно было, как она бормочет про себя:

— Это? Нет, слишком ярко. И это? Нет, слишком просто.

Она готовилась к дискотеке. Ева же молча наблюдала за Дашей, не отрывая взгляда от своей книги.

Даша наконец выбрала платье и держала его перед собой, крутилась перед зеркалом и смотрела на своё отражение с разных сторон:

— Ну что? Нравится?

Ева подняла голову и осмотрела платье из-под полуприкрытых век:

— Слишком короткое.

Даша хмыкнула:

— Да брось. С чего это вдруг? В самый раз.

Ева подняла бровь и указала взглядом на плотно обтягивающий подол платья:

— Оно буквально прикроет пол бедра. Даже чуть меньше.

Даша прогнулась и встряхнула волосами с игривой улыбкой:

— И что? Так даже лучше.

Ева покачала головой, поджав губы:

— Это совсем не приличное платье для дискотеки.

Даша надулась и повернулась ко мне:

— А ты как думаешь, Ник?

— Слишком короткое и слишком обтягивающее. Это скорее подходит на клуб, а не на дискотеку.

Даша обиженно поджала губы и скрестила руки:

— Вы такие зануды.

Я пожала плечами:

— Это факт.

— А как мне еще обратить на себя внимание всех?

— Ты хочешь обратить на себя внимание ребят, надев короткое платье? — хмыкаю я.

Даша вскидывает подбородок и демонстративно оглядывает себя в зеркале.

— А чем плохо? Хоть раз пусть смотрят не как на мебель.

Я криво усмехаюсь.

— Они и посмотрят. Только не туда, куда тебе надо.

— Ой, началось, — Даша закатывает глаза, но в голосе уже меньше бравады. — Ты же понимаешь, о чём я. Я хочу, чтобы меня заметили.

Я чуть наклоняю голову, разглядывая платье ещё раз.

— Тебя и так заметят. Ты громкая.

Даша фыркает.

— Смешно.

— Я не шучу, — говорю я спокойнее. — Просто внимание бывает разное. Одно — когда ты нравишься. Другое — когда тебя обсуждают и шупают глазами.

Даша на секунду теряет уверенность, потом упрямо ставит руки на бёдра.

— И что ты предлагаешь? Надеть мешок?

Ева отвечает вместо меня:

— Предлагаю не пытаться купить уважение длиной юбки.

— Возьми что-то нормальное: чтобы ты могла танцевать и не думать каждую секунду, что у тебя сейчас всё уедет, — добавляю я.

Даша прыскает со смеху, но тут же снова делает обиженное лицо.

— Вы невозможные.

— Зато живые, — пожимаю плечами я. — И целые.

Даша вдруг медленно опустилась на край кровати, уронив платье на колени. Её обычно живые глаза потухли, а губы сжались в тонкую полоску.

— Но это мое единственное платье. Больше ничего у меня нет.

Комната внезапно затихла, даже Ева отложила книгу и уставилась в стену, словно не решаясь что-то сказать.

Я вздохнула и подошла к своему шкафу. Дверца скрипнула, когда я её открыла, а внутри аккуратно висели несколько вещей — скромных, но стильных.

Я провела пальцами по плечикам и вытащила платье: нежно-голубое, чуть выше колена, с неброскими кружевными вставками по рукавам. Оно не кричало, но смотрелось элегантно — идеально для вечера, но без лишнего вызова.

Я повернулась к Даше и бросила платье ей на колени:

— Примерь.

Она растерянно уставилась на ткань, потом на меня — её глаза постепенно загорелись.

— Шутишь?

Ева, отвлёкшись от книги, приподняла бровь, но промолчала.

— Только не плачь. Не выношу слезы.

Даша рассмеялась, но кивнув, тут же встала с кровати.

— Постараюсь!

Она быстро пошла в ванную и через несколько минут вернулась. Платье красиво сидело на ней, подчёркивая талию и чуть обтягивая ноги.

— Как вам?

Я подошла ближе и кивком подтвердила:

— Оно красиво на тебе сидит.

Ева коротко кивнула, не отрывая от Даши взгляд.

— И по фигуре подходит.

Я прислонилась спиной к стене, кивая, когда Даша проходила мимо:

— Надевай его на дискотеку.

Наконец Даша, закончив разглядывать платье и вернувшись на кровать, посмотрела на меня:

— А ты что наденешь?

Я вздохнула, наклоня голову:

— У меня много чего есть, что подойдёт.

Даша прищурилась, будто не совсем поверила моим словам.

— Например?

Я пожала плечами, сдерживая раздражение в голосе:

— Кофту с длинными рукавами, джинсы и кроссовки, как всегда.

Даша протянула губы:

— Ты серьёзно? На дискотеку?

— А что не так с этим?

Ева нахмурилась и пробормотала:

— Я тоже не понимаю. Это же нормальный выбор одежды.

Даша всплеснула руками, будто мы обе её предали.

— Нормальный — да. Но скучный! Нам надо хоть раз выглядеть как девочки, а не как охранники.

Я посмотрела на неё спокойно.

— Я и есть девочка. Просто мне не надо доказывать это одеждой.

Ева пожала плечами и поправила ворот своей блузки.

— Мне кажется, Ника права. Главное — чтобы удобно и чтобы никто не лез.

Даша фыркнула, но уже без прежней уверенности.

— А если мне хочется, чтобы лезли?

Я коротко вздохнула.

— Тебе хочется, чтобы на тебя смотрели, Даш. Не чтобы лезли. Это разные вещи.

— Тут все девочки в платьях.

— В детдоме возможно, — я пожала плечами. — В клубах, где я была, всем все равно в чем ты.

Даша замолчала. Она опустила взгляд на свои руки. Я сжала зубы. Ну что такого я сказала? Я же права.

Тишина. Густая, неловкая. Даша перебирает край платья пальцами, не поднимая глаз. Ева замерла с книгой, будто забыла, как дышать.

Я чувствую, как напряжение висит в воздухе, но стискиваю зубы ещё сильнее.

— Ну ладно. Выберу любое платье.

Даша мгновенно оживляется — глаза вспыхивают, а губы растягиваются в широкой улыбке.

— Ура! — выпаливает она, хлопая в ладоши.

Я надеваю простое черное платье из своего гардероба. Распущенные волосы мягко ниспадали по плечам, пока Да-

ша увлеченно красила ресницы перед зеркалом. Я бросила взгляд на Еву — она всё так же уткнулась в книгу, будто дискотека где-то в параллельной вселенной.

— Может, пойдешь с нами? — саркастически подняла бровь. — Или книжка интереснее?

Ева медленно оторвала взгляд от страницы, её глаза скользнули по моему платью, потом к Даше с её полуготовому макияжу.

— Интереснее, — сухо бросила она и вернулась к чтению.

Даша фыркнула, не отвлекаясь от туши:

— Её бы хоть динамитом от книги оторвать.

Я пожала плечами, но в уголке губ — лёгкая усмешка. Ну и ладно — её потеря.

Мы с Дашей пошли на дискотеку. Зал был погружён в ритмичную темноту мерцающую от разноцветных лучей прожекторов. Музыка глухо била в грудь, заставляя пол вибрировать под ногами. Воздух густой от смеха, духов и приглушённых криков через шум басов. Песня гулко звучит из колонок — это трек «Незабудка» от Тима Белорусских.

Даша сразу заметалась взглядом по залу, хватая меня за руку:

— Смотри, вон Дима с ребятами уже тусуются у колонок! Пойдём?

Она почти танцует на месте, не в силах сдерживать возбуждение.

Глаза автоматически выискивают в толпе одного конкрет-

ного идиота.

— Если хочешь к ним, то иди, — я киваю на Диму и Славу. Вижу же, что глаза Даши горят.

— Да мне и тут хорошо, — она говорила это мне, но смотрела на веселящихся ребят.

— Даш, иди уже! — я толкнула ее в бок. Она смущенно посмотрела на меня, а после улыбнулась и пошагала в их сторону.

Я подошла к столу с едой, а рядом уже собиралась маленькая толпа. Они перешептывались между собой, подмигивая друг другу.

Где-то в середине стола стояли две стеклянные вазы с конфетами, а сбоку — большой таз с колой и пакетами чипсами.

Всё довольно просто, но для детского дома — нормально.

Я взяла стакан с колой, потом отошла прочь в сторону, оставляя за спиной оживлённый стол. Теперь мой взгляд скользил вдоль стен, в поисках пустого угла, где можно было побыть в тишине.

Тишина омывала мое тело, наконец оставляя в одиночестве. Теперь я могу расслабиться хоть немного.

Я наблюдала, как компания Инги крутит и виляет задницей в центре танцпола. Они были одеты в короткие платья, которые откровенно обнажали их тела. На Инге — плотно прилегающее красное платье до колена. На других девочках тоже короткие платья. У каждой глубокие вырезы и обтягивающие ткани.

Чуть дальше в глазах — Даша и её друзья весело смеялись над чем-то. Она была в компании Димы и Славы. Рука Димы была на её плече. Даша смеялась с шуток Славы. Она улыбалась, а её взгляд сверкал ещё и от внимания Димы.

Я заметила, что Даша всегда особенно сияет рядом с Димой. И Дима как-то слишком близко — рука на её плече, взгляд цепкий, будто метит территорию. Странно. Может, она ему нравится?

Я прикусываю край стаканчика, пока наблюдаю, как Дима отгораживает Дашу от подошедшего к ним какого-то парня. Отчётливым движением притягивает её ближе к себе.

Интересно, она сама это замечает?

На секунду моё внимание отвлечено, я увидела, как Кирилл входит в зал. Он одет в обычные джинсы и простую чёрную футболку. Выражение небрежное на его лице.

Он смотрел туда-сюда, переводя взгляд, видимо, ища своих парней. Кирилл направился к их компании, шутливо хлопнул Славу и Диму по спине. Перекинулся с ними парой фраз. Даша что-то сказала и он рассмеялся, чуть запрокинув голову. Видно, что они на одной волне — лёгкие, непринуждённые жесты, ухмылки. Ну конечно. Он везде свои корни пускает.

Я сделала ещё один глоток колы, не сводя с них глаз. И тут же поймала его взгляд. Кирилл смотрел прямо на меня. Я почувствовала как сердце ускорилось в груди, а пальцы сжали стаканчик сильнее. Я нервно сглотнула и быстро отвер-

нулась. Уставилась в темноту за стеклом. Отражение в нём мелькает — движение за спиной, тени людей, но я упорно делаю вид, что всё мое внимание поглощено чем-то снаружи.

Пусть смотрит хоть до утра. Мне плевать.

Но спина всё равно горит, будто его взгляд прожигает её насквозь.

Звук музыки заполнил воздух, прерывая тишину. Выбранная песня обрадовала меня. Включили трек «Расцветай» The Adresov.

Ребята начали расходиться в стороны — оставляя пустое пространство в центре зала. Вскоре тишину нарушили звуки шагов, когда несколько пар направлялись к середине комнаты — очевидно на предстоящий танец. Я подсознательно улыбалась сама себе — в самом деле, песня была одна из моих любимейших.

Мальчики и девочки постепенно заполняли центр, образуя круг, в центре которого, я увидела Диму с Дашей. Они держались за руки, готовясь к началу танца. Дима стоял с вызывающей ухмылкой, рука на талии, вторая крепко держала Дашу — он и правда выглядел как типичный хулиган: растрёпанный, расстёгнутая на пару пуговиц рубашка, развязанный вид. А вот Даша светилась в его тени — в своём аккуратном платье, с осторожной улыбкой и румянцем на щеках. Они выглядели как два полюса, но в этой контрастности было что-то трогательное.

Ну хоть кто-то сегодня точно не заскучает.

Я прислонилась к стене, наблюдая, как они начинают двигаться под музыку — неуклюже, но искренне.

Я ощущала себя немного лишним наблюдателем — вокруг танцевали парочки.

Казалось, что только я оставалась в полном одиночестве, не имея своего партнёра.

Краем глаза, я увидела как Кирилл пристроился рядом, облокотившись о стену. Он заметил мое молчаливое наблюдение, а его взгляд пронизательный и уверенный. Его взгляд плавно скользнул по моей фигуре, не оставляя ни единого уголка, словно изучая меня. Мне слегка стало неловко.

Музыка громко играла, а я стояла в стороне, чувствуя себя чужой на этом празднике жизни. Вдруг раздаётся знакомый голос:

— Будешь всю ночь стенку давить или все-таки решишься потанцевать?

Оборачиваюсь — Кирилл стоял в полуметре, руки в карманах, с той самой хищной ухмылкой, которая всегда выводит меня из себя. Именно его мне сейчас не хватало.

Я медленно поворачиваю голову, холодно скользя взглядом по его фигуре — с головы до пят, с явным вызовом.

— А ты решил спасти мой вечер? — ядовито улыбаюсь, слегка наклоняясь вперед. — Но мне не нужен герой. Особенно..., — бросила взгляд на его потрёпанные манеры, — такой.

Его ухмылка лишь становится шире. Этот парень и вправ-

ду мазохист. Видимо любит, когда с ним играют в его игры.

— Ты так говоришь, будто уже знаешь, какой я на самом деле, — он делает шаг ближе, его голос становится тише.

— Знаю достаточно, — резко обрываю я, но не отступаю. — Например, что лучше тебя не трогать без спиртовой салфетки.

Он закидывает голову назад от смеха, и это чертовски раздражает.

Кирилл, не отводит глаза, делает шаг вперёд — теперь между нами считанные сантиметры.

— А я вот думаю, — его голос становится нарочито серьёзным, — может, ты просто боишься, что я тебя перетанцую?

Его вызов висит в воздухе между нами — неудобный, заставляющий сердце биться чаще.

Я намеренно медлю с ответом, позволяя губам растянуться в снисходительной улыбке:

— Может, сначала докажешь, что умеешь двигать не только языком?

Он резко смеётся — коротко, по-волчьи и внезапно ловит меня за запястье. Его пальцы обжигают тёплыми.

— Это, — он тянет меня к танцполу, — легко.

Ну и чёрт. Теперь придётся показать этому выскочке, кто здесь главный. Кирилл ведёт меня в центр танцпола, где уже собралась масса людей. Я чувствую его близость, тепло его тела. Я ненавижу это ощущение. Мы начинаем двигаться под

медленную музыку — сначала неуверенно, потом всё естественнее. Я аккуратно кладу руки ему на плечи, чувствуя, как его пальцы осторожно сжимают мою талию. Он не прижимает меня слишком близко, сохраняя деликатное расстояние между нами.

Движения простые, но в них есть что-то трогательное: он слегка покачивается в такт, а я стараюсь попадать в ритм, иногда ошибаясь и заставляя его улыбаться. Где-то рядом Дима кружил Дашу, но я почти не обращала на них внимания — слишком занята тем, чтобы не наступить Кириллу на ноги.

Кирилл наклоняется чуть ближе, чтобы его слова утонули в музыке:

— Расслабься. Я не кусаюсь, если меня не кусают.

— Ещё чего, — шепчу я, но пальцы на его плечах всё равно напряжены, будто держусь за поручень в автобусе.

Он ведёт уверенно, почти незаметно направляя меня в ритм. Его ладонь на талии остаётся на месте — не ползёт выше, не давит сильнее. От этого почему-то становится ещё сложнее злиться: он ведёт себя правильно, и мне не за что уцепиться.

— Ты всегда так? — вырывается у меня. — Делаешь вид, что весь такой спокойный.

Кирилл едва заметно улыбается.

— Я и есть спокойный.

— Врёшь, — фыркаю я, спотыкаясь на повороте.

Он ловит меня движением, простым и аккуратным, словно я ничего не сделала.

— Не вру. Я просто не устраиваю шоу, — отвечает он сухо. — Это Дима любит вспыхнуть, чтобы все увидели.

Я на секунду отвожу взгляд — Дима действительно крутит Дашу так, будто соревнуется с воздухом. Даша смеётся, но в её смехе больше радости, чем напряжения.

— Ты специально меня сюда вытащил? — спрашиваю я, возвращая взгляд Кириллу.

— Да, — отвечает он слишком прямо. — Чтобы ты перестала смотреть на меня так, будто я тебе должен.

Я сжимаю губы.

— А ты не должен?

Кирилл выдерживает паузу, потом чуть сильнее сжимает талию — не прижимая, а фиксируя, чтобы я снова не сбилась с шага.

— Если бы был должен, я бы не танцевал, — говорит он. — Я бы решал по-другому.

От этих слов у меня по спине проходит холодок.

— Угрожаешь?

— Констатирую, — ровно отвечает он. — И ты это понимаешь.

Я специально делаю шаг точнее, чем раньше, будто доказывая что-то самой себе.

— Тогда зачем вообще здесь?

Кирилл смотрит на меня так, будто сейчас скажет что-то

лишнее и не говорит. Только выдыхает и чуть качает головой.

— Потому что ты не такая трусливая, как пытаешься выглядеть, — бросает он наконец. — И мне было интересно, выдержишь ли ты центр.

Музыка становится чуть громче, кто-то рядом смеётся, кто-то толкает нас плечом, но Кирилл не теряет ритм. Я ловлю себя на том, что уже не считаю шаги — просто двигаюсь вместе с ним.

— Не зазнавайся, — шепчу я, приподнимая подбородок. — Я всё ещё могу наступить тебе на ногу.

Его губы едва трогает улыбка.

— Попробуй, — отвечает он. — Только не промахнись.

Кирилл чуть ведёт меня в поворот, и на секунду я оказываюсь ближе, чем собиралась. Я тут же напрягаюсь.

— Всё, — шепчу я. — Хватит.

Он не спорит. Просто немного отпускает хватку, возвращая то самое «деликатное расстояние».

— Так лучше? — спрашивает сухо.

Я киваю, делая вид, что мне всё равно.

— Не думай, что это что-то значит.

— Не думаю, — отвечает он мгновенно. — Ты сама себе это придумала.

От его спокойствия хочется укусь — словом.

— Зачем влез тогда в коридоре?

— Дима горячий. Ему лишь бы ляпнуть. А мне не надо,

чтобы он потом получил по шапке из-за тебя.

Я делаю вдох.

— Из-за меня? Серьёзно? Он сам лезет.

Кирилл ведёт дальше, ровно в такт.

— В детдоме виноватым делают того, на кого удобнее. Ты новенькая. Он дурак. Вы оба — удобные.

Слова попадают точно, и мне это неприятно признавать. Я отвожу взгляд на его плечо, будто так легче.

— И ты, значит, защищаешь его?

— Я защищаю порядок, — отвечает он сухо. — И себя тоже.

Музыка тянется медленно, почти липко. Я слышу собственное сердце сильнее басов.

— А я тебе кто? — спрашиваю я тихо, прежде чем успеваю остановиться.

Кирилл чуть приподнимает бровь, будто вопрос нелепый.

— Пока — никто.

— Тогда отпусти, — говорю я, и голос предательски дрожит. И почему? Что я ожидала услышать? Я не выношу этого парня, но почему-то сейчас танцую с ним.

Он останавливает нас на полшага, не отпуская сразу, и смотрит прямо.

— Ты же сама хотела, чтобы я доказал, что могу не только языком, — произносит он спокойно. — Я доказал.

Пальцы на моей талии разжимаются.

— Иди, — добавляет он, будто закрывает тему.

Я делаю шаг назад, но он вдруг говорит вслед, совсем тихо:

— Только не делай вид, что тебе не понравилось. Ты плохо врёшь.

Я резко поднимаю глаза.

— Ты слишком много о себе думаешь.

Кирилл усмехается краем губ.

— А ты слишком много думаешь обо мне.

Я хочу сказать ему что-то колкое, но тут появляется Катя со словами:

— Кир, потанцуй со мной!

Я вижу, как его взгляд мгновенно изменился.

— Конечно, — Кирилл кладёт руку ей на спину, поворачиваясь спиной ко мне.

Он всё время так быстро переключается? Я фыркаю и резко разворачиваюсь, отходя к стене, где уже собрались несколько человек. Один из них передаёт мне стакан с газировкой, и я отхлёбываю его, стараясь не смотреть в сторону Кирилла и Кати. Но уголком глаза я всё равно вижу, как они кружатся под музыку — смеются, он что-то шепчет ей на ухо, а она краснеет. Фу, отвратительно!

Я закатываю глаза и отворачиваюсь, но пальцы непроизвольно сжимают стаканчик сильнее.

Вскоре музыка меняется на что-то более медленное, и Кирилл с Катей замедляют шаг, приближая свои лица друг к другу. Точнее она буквально тычется ему в рот.

— Они хорошо смотрятся, не правда ли? — спрашивает рядом стоящий парень, улыбаясь.

— О да, просто идеальная пара! — я делаю паузу, затем добавляю с ледяной улыбкой: — Он будто "я только что проснулся", она — с макияжем "нарисовала в темноте". Романтика. Прямо как в дешевом сериале.

Парень рядом закашливается, пряча смех в ладони, но я уже разворачиваюсь и ухожу, оставляя их с "идеальной" парой.

Длинный коридор прохожу быстрыми шагами, пока не влетаю в пустую комнату — там тихо, но не надолго.

Из-за угла сразу раздаётся хриплый смех — это Инга и Настя. Походу затащили туда Еву. Настя стоит рядом, кусая губу, но не вмешивается.

— Ну что, "тихоня"? — Инга толкает Еву в плечо, заставляя её споткнуться о край дивана. — Думала, спрячешься за своей книжкой?

Ева молчит, но её руки дрожат, когда она поправляет плечи. Настя рывком хватается её за волосы, задирая ей голову вверх:

— Может, попросишься обратно в свой убогий кружок? А то мы тут развлекаемся, а ты как серая мышка.

Я застываю в дверях — в груди вспыхивает ярость. Ева ловит мой взгляд, в её глазах мелькает надежда.

Чёрт. Опять втянули. Я сжимаю кулаки и делаю шаг вперёд — тьма в глазах смыкается с адреналином.

— Эй, курицы! — мой голос рвёт тишину, как нож. — Отвалите от нее или я сама вас развлеку.

Хохот звенит раздраженно, проливаясь в мой адрес, как только девочки обнаруживают мое присутствие в дверях.

— Ну раз так, то давай, развлекай нас, — с вызовом бросает Инга, переводя внимание с Евы на меня.

Ева тихо отступила назад, натываясь спиной в угол дивана.

— И что же ты сделаешь? — злорадно вторит Настя.

Комната затихает на секунду — только тяжёлое дыхание Инги и скрип дивана под Настиной рукой. Не стоит мне вмешиваться в их проблемы. Это их дело. Я уже наполовину поворачиваюсь к выходу, как вдруг... Резкий хват!

Инга вцепляется мне в запястье, её ногти впиваются в кожу.

— Ты серьёзно думаешь, что можешь вот так просто...

Хрясь! Моя свободная рука сама решает за меня — резкий удар ладонью по её плечу отбрасывает её назад. Настя вскрикивает, Инга спотыкается о диван.

В воздухе пахнет конфликтом, пудрой и страхом. Кажется, теперь точно не отвертеться. Я резко выдёргиваю руку, чувствуя, как её ногти оставляют красные полосы. Но улыбаюсь — ядовито, без тепла.

— Вот видишь, — я наклоняюсь к ней, голос шипит, — я даже не старалась. Представляешь, что будет, если попробую получше?

Настя резко дёргается вперёд, но я уже отскакиваю к двери. Ева хватается меня за руку — её пальцы ледяные, но твёрдые.

— Прекратите! — она вдруг говорит громко, голос дрожит, но не сдаётся. — Давай просто уйдём.

Я киваю, последний раз бросая взгляд на Ингу и Настю — они больше не смеются. Их лица искажены злобой, но шагнуть вперед никто не решается.

Мы с Евой выходим в коридор, и дверь с лёгким стуком закрывается за нами.

Мы идем в свою комнату. В комнате тихо — слышно только, как я тяжело дышу. Я ложусь на кровати, сжав ладонь в кулак — кончики пальцев ещё дрожат от адреналина. В голову крутятся мысли, эмоции.

Я даже не ожидала, что так взорвусь. Вот чёрт. Дерьмо. Теперь эта компания точно не оставит в покое.

Открываю глаза — они привыкают к мраку, и я наконец замечаю Еву на кровати. Она стоит, держась за подоконник, её плечи трясёт — очевидно, что она пытается не рыдать, но слёзы скатываются по щекам.

Её щёки опухшие, глаза покрасневшие, она пыталась не плакать, но просто не смогла совладать с эмоциями. Я медленно сажусь на кровати, не решаясь что-то сказать. У нее на лбу еще сияет царапина. Уверена, что это дело рук тех двоих.

— Кто это сделал? Инга?

Ева молчит, только слезы катятся чаще. Я чувствую, как

внутри закипает та же ярость, что и в комнате отдыха.

Резко поворачиваюсь к двери:

— Я сейчас.

Но она вдруг хватает меня за руку. Ее пальцы ледяные, но хватка крепкая.

— Нет...— шепчет она, голос сдавленный.— Не надо...

Они... они уже все равно...

Она не договорила, но я понимаю. Они уже добились своего. И теперь она боится еще больше.

Я сжимаю кулаки, но остаюсь на месте. Впервые за сегодня чувствую себя беспомощной.

Молча сажусь рядом. Ева тихо плачет, уткнувшись в колени, её плечи подрагивают.

Тишина давит на голову, единственный звук — всхлипывание. Я не знаю, что делать, что сказать.

Мы сидим в молчании, пока она наконец не произносит:

— Я просто... Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

Я резко сжимаю губы в тонкую линию, чувствуя, как внутри кипит злость. Она выглядит такой жалкой, такой беспомощной.

— Тогда почему ты не защищаешься?

Ее глаза расширяются — она разворачивается ко мне, смотрит в лицо, её щёки мокрые от слёз.

— Я... я не... — Её голос дрожит. — Я не могу. Ты не понимаешь...

— Не понимаю? — я холодно переспрашиваю, скрещая руки на груди. — Я прекрасно понимаю. Не можешь, да? Так что, ты просто будешь терпеть их издевательства? Просто будешь молчать?

Ее челюсть напрягается, она отводит взгляд, её губы подрагивают.

— Не говори так... — она тихо отвечает. — Ты не знаешь... ты не знаешь, насколько это сложно.

— На сколько сложно что? Не сражаться? Не отвечать им? Ева вдруг резко сжала руки в кулаки, её губы сжались в тонкую линию, словно она силой подавляла эмоции.

— Тебе легко говорить! — она вдруг резко вскакивает, голос срывается.

Впервые вижу, чтобы она повышала свой голос.

— Ты просто... Ты просто не понимаешь!

Я резко вскидываю бровь, губы искривляются в ледяной усмешке.

— О да, конечно, — я растягиваю слова, медленно обводя её взглядом с ног до головы, — это же так сложно не давать себя топтать. Особенно когда у тебя есть голос, руки и, внезапно, мозг, если он там вообще есть.

Ева съёживается, будто я физически ударила её словами.

— Проще плакать и ждать, что кто-то влезет вместо тебя.

Ева вздрагивает, но не отходит. Руки у неё всё ещё в кулаках, ногти впиваются в ладони.

— Ты думаешь, я не пробовала? — сипло говорит она. —

Думаешь, мне нравится быть... такой?

Я снова смотрю на неё — уже внимательнее.

— Тогда почему ты не отвечаешь? — повторяю я, но тише. — Почему ты каждый раз сдаёшься, как будто у них на тебя поводок?

Ева сглатывает, слова не сразу выходят.

— Потому что... если я отвечу, — она резко стирает слёзы рукавом, — они не остановятся. Они сделают хуже. Не только мне.

Я морщу лоб.

— Кому “не только”?

Ева кусает губу, потом выдавливает:

— Даше. Или тебе. Или любому, кто рядом со мной окажется. Они так делают. Они находят слабое место и давят. А я... я не хочу быть причиной.

Меня будто холодной водой облили. Я на секунду теряю свою злость — остаётся только раздражение на эту систему, где за “ответить” платишь не ты одна.

— Значит, ты молчишь, чтобы они выбирали тебя одну? — спрашиваю я глухо.

Ева кивает, не поднимая глаз.

— Да. Потому что так проще. Потому что так, хотя бы предсказуемо.

Я скрещиваю руки, но уже не для того, чтобы давить, а чтобы удержать себя.

— Это не предсказуемо, Ева. Это ловушка, — говорю я

жёстко. — Они не останутся, если ты удобная. Они просто привыкнут.

Ева вскидывает взгляд, в нём злость вперемешку со страхом.

— А если я попробую и меня правда побьют?

— Тогда ты не будешь одна, — отвечаю я резко, почти через зубы. — Но ты тоже должна сделать шаг. Не героизм. Просто не отдавать им себя бесплатно.

Ева тяжело дышит, потом шепчет:

— Я не умею.

— Научись, — говорю я. — Сначала — голос. Потом — спина. А кулаки — это в самом конце.

Я делаю паузу и добавляю уже тише:

— И извини. Я перегнула. Я просто не выношу, когда кого-то ломают у меня на глазах.

Хлопаю дверью так, что дрожит стена. Пусть хотя бы этот звук выбьет из неё тупую покорность. Или нет. Всё равно уже всё безнадежно.

Кипящий внутри комок эмоций. Разочарование и ярость, слепая, неясная. Я медленно выхожу в коридор, пытаюсь прогнать из головы образ Евы, её плачущее лицо и дрожащие руки. Тишина давит на голову, звуки шагов эхом отдаются в ушах.

Слезы — это просто знаки, указывающие на боль, которую невозможно выразить словами. Выражение эмоций не делает нас слабыми. Это делает нас сильнее.

Но это слишком приторно для ситуации с Евой. Я качаю головой, пытаюсь выкинуть её из мыслей, но её образ только сильнее прилип к внутренней стороне взмокнувшего лба.

8 часть.

Мне не хотелось возвращаться в комнату, ни на дискотеку. Во-первых мне слегка было стыдно за свои слова перед Евой. Во-вторых, второй вариант не лучше первого.

Заметила лестницу, ведущую на крышу. Я медленно поднялась по ней, ступени скрипели под ногами.

Резко замираю на пороге, холодный ветер хлещет в лицо, а пальцы непроизвольно впиваются в дверной косяк.

И вот он — Кирилл. Сидит на самом краю парапета, ноги болтаются над пустотой, спина прямая, а в руке — сигарета, от которой в темноте тянется тонкий дымок. Он не оборачивается. Не стоило идти сюда.

Я делаю шаг назад, но скрип ржавой петли выдаёт меня с головой. Кирилл медленно поворачивается, и его глаза — холодные, как эта крыша — встречаются с моими.

— Ну и кто тут у нас застенчивый мышонок? — он усмехается, затягивается, и сигарета вспыхивает ярче на секунду, освещая его скулы.

Я замираю на месте, пальцы сами сжимаются на краю двери, будто это может удержать меня от глупостей. Ветер тянет за волосы, и холод сразу пробирается под одежду.

— Не твоя крыша, — выдыхаю я и заставляю себя не отводить взгляд. — И я не мышонок.

Кирилл медленно выпускает дым в сторону, не торопясь отвечать. Потом кивает на дверь подбородком:

— Тогда закрой. Скрипит, как сирена.

Я закрываю дверь аккуратнее, но всё равно слышен тихий стон металла. Кирилл усмехается чуть шире.

— А ты смелая, новенькая, — бросает он. — Или просто некуда деваться.

— Я пришла подышать, — говорю я сухо. — Не к тебе.

— А я тут не ради компании, — он стряхивает пепел и смотрит на меня оценивающе. — Так что не делай вид, что ты меня ищешь.

Я делаю пару шагов вдоль стены, держась подальше от края.

— Ты вообще понимаешь, что если нас поймают, будет разнос?

Кирилл пожимает плечами.

— Тут за всё разнос. Разница только в том, за что именно. Он делает ещё одну затяжку и, не глядя, протягивает пачку в мою сторону.

— Будешь?

— Нет, — отрезаю я.

Я каждый раз должна отказывать ему?

Кирилл убирает пачку, будто и не предлагал.

— Правильно. Не начинай. Потом трудно бросать.

Между нами повисает тишина, только ветер и далёкие звуки из двора. Я чувствую, как злость потихоньку смешивается с любопытством.

— Ты специально всех выводишь? — спрашиваю я. — Или это у тебя талант?

Кирилл наконец смотрит прямо.

— Я просто не люблю, когда на меня смотрят, как на врага, — говорит он ровно. — А ты так смотришь постоянно.

— Потому что ты ведёшь себя как враг, — отвечаю я, не моргая.

Он хмыкает.

— Тогда держи дистанцию, Ника. И не ходи туда, где меня можно встретить.

Кирилл отворачивается к городу и добавляет уже тише:

— Или придётся привыкать.

Я чувствую, как зубы сами сжимаются. Он выглядит таким довольным. Таким уверенным. Таким неуязвимым. Терпеть не могу этого придурка.

Я резко иду вперёд, подхожу к соседнему парапету и сажусь, нарочито небрежно свесив ноги. Внизу та же пропасть, но мне плевать. Пусть видит — я не испугаюсь.

— Привыкать к чему? — спрашиваю, глядя вниз. — К тому, что ты везде?

Кирилл тихо усмехается и стряхивает пепел, не глядя на меня.

— К тому, что я не исчезну, если тебе так удобнее.

Я резко поворачиваю голову.

— Мне не удобно. Мне всё равно.

— Врёшь, — сухо отвечает он.

Молчание снова повисает между нами. Ветер хлещет по крыше, где-то внизу хлопает дверь. Я пытаюсь дышать ровно, но внутри всё колотится — не от страха даже, а от того, как он спокойно раскладывает меня по полочкам.

— Зачем ты вообще здесь? — бросаю я. — На крыше.

Кирилл чуть наклоняет голову, будто вопрос детский.

— Тут тихо. И никто не лезет.

— Ты же главный тут, — говорю я с явной колкостью. —

Тебя внизу все ждут.

Он медленно переводит взгляд на меня — тяжёлый, холодный.

— Не называй меня так, — отрезает он. — Я здесь не “главный”.

Я прищуриваюсь.

— Ага. Конечно.

Кирилл делает последнюю затяжку и гасит сигарету о бетон, тщательно, без спешки.

— Ты думаешь, это игры, — говорит он ровно. — А это просто место. Детдом. Тут либо ты держишься, либо тебя двигают.

Я сжимаю пальцы на холодном металле парапета.

— То есть ты “держишься”, да? Поэтому ты такой?

Он на секунду молчит, затем отвечает коротко:

— Да.

Я чувствую, как злость снова поднимается.

— И ради этого ты давишь людей?

Кирилл делает шаг ближе — не вплотную, но так, что его присутствие становится осязуемым.

— Я не давлю тех, кто не лезет, — говорит он. — А ты лезешь. С самого первого дня.

— Я просто не прогибаюсь, — бросаю я.

Кирилл чуть прищуривается.

— Тогда не путай. Не прогибаться — это одно. А провоцировать — другое.

Я отворачиваюсь к краю крыши, скрестив руки на груди. Ветер треплет волосы, но я не поправляю их — пусть хоть это скроет мое раздражение.

Вот же идеальное место, идеальный момент и тут этот курильщик с вечным сарказмом. Даже побыть одной нормально не дадут.

Мы сидим молча, только звуки музыки из зала доносятся до крыши, звеневя в ушах. Тишина давит на голову. Купол неба над нами словно огромный черный лист, усыпанный едва видимыми звездами.

Я невольно кошусь в его сторону. Кирилл сидит, голова откинута назад, глаза прикрыты. Тусклый свет сигареты подчеркивает контур скул. Он выглядит спокойным — почти расслабленным.

Его лицо в темноте кажется высеченным из камня — рез-

кие скулы, тонкие губы, натянутые в усмешке даже в расслабленном состоянии. Брови чуть сведены, будто он постоянно к чему-то прислушивается, даже когда кажется отстранённым. Сигаретный дым стелется вокруг него, окутывая профиль дымчатым ореолом, а пепел медленно осыпается с кончика сигареты, будто чёрный снег. Глаза — тёмные, почти без отблеска, но если приглядеться, в них есть что-то опасное. Как будто он знает что-то, чего не знаю я, и ему это бесконечно смешно.

Ветер снова дует, и он вздрагивает, но не открывает глаза. Я отвожу взгляд.

Интересно, а как он попал в детский дом? Кирилл вдруг резко открывает глаза, будто чувствует мой взгляд. Сигарета зажата в его тонких пальцах.

— О чем думаешь на этот раз, Ника?

Он чуть щурится, наблюдая за мной с интересом.

— Не твое дело, — огрызаюсь я.

Кирилл усмехается одними губами, будто такого ответа и ждал.

— Моё, если ты смотришь так, — говорит он сухо и делает короткую затяжку.

— Ни о чем не думаю.

— Нет, — Кирилл лениво качает головой. — Ты решала, кто я и откуда.

Я резко бросаю:

— Ладно. Я думала, почему ты вообще здесь.

Он на секунду замирает, пепел дрожит на кончике сигареты. Потом Кирилл аккуратно стряхивает его и отвечает ровно:

— Потому что так вышло.

— Удобно, — хмыкаю я. — Ничего не объясняет.

Кирилл смотрит на меня из-под ресниц.

— А ты мне кто, чтобы я объяснял?

Я сжимаю зубы, чувствуя, как щеки начинают гореть от злости.

— Никто, — отвечаю я. — И это взаимно.

Он вдруг делает шаг, но останавливается, не нарушая дистанцию. Голос у него спокойный, почти равнодушный:

— Тогда не задавай вопросов, на которые тебе не понравится ответ.

Я приподнимаю подбородок.

— Можешь и не отвечать.

Кирилл хмыкает — коротко, без смеха.

— Сирота я. Как и большинство тут, — говорит он и отводит взгляд в сторону, будто это не стоит разговора. — Всё. Тема закрыта.

Он уходит, оставляя за собой запах табака и странное ощущение пустоты. Дверь на лестницу скрипит и захлопывается. Я остаюсь одна наконец-то.

Кирилл сирота? От этой мысли внутри что-то неприятно щёлкает, будто я не туда нажала. Я почему-то ожидала другой истории — громкой, особенной, оправдывающей его

вечную злость. А выходит, всё до смешного просто: он такой же, как и другие дети тут. И от этого становится не легче, а странно неловко, будто я только что пыталась расковырять чужую рану.

У меня был опыт любви и семьи, и поэтому труднее понять, как живут те, у кого этого не было или кто это потерял.

Мне страшно даже представлять, как это — когда у тебя никого нет по-настоящему; у меня была мама, были родные, и я держалась за это, как за воздух.

Я сижу в молчании. Ветер холодит кожу, а тишина давит на голову. Слышу только тихий звук музыки из зала, доносящийся до крыши.

Прикрываю глаза, и память возвращается в прошлое.

Мягкий песок на пляже, горячее солнце, смех мамы. Это когда-то давно, давно, давно. Я вспоминаю — голос мамы, нежные руки, теплые глаза. И то, как все просто было тогда. От этого сердце сдавливает что-то острое, жгучая волна ностальгии накрывает с головой.

Я закрываю глаза и внезапно передо мной всплывает тот день. Лето. Жара. Я маленькая, босая, в платье, которое мама купила на первую зарплату. Мы на пирсе, и мама держит меня за руку, указывая пальцем на чаек. "Смотри, какая смешная!" — смеялась она. Пахло солёным ветром и карамелью — мама только что купила мне леденец на палочке. Всё просто. Всё легко.

Открываю глаза. Крыша. Холод. Пустота. Где та мама?

Где та девочка?

Где-то внизу снова смех — нарочитый, слишком громкий. Я резко встаю, вытирая ладонью лицо. Надо идти. Надо двигаться. Иначе я начну верить, что это всё было по-настоящему.

Иду к себе в комнату. Аккуратно закрываю дверь, стараясь не разбудить Еву.

Комната погружена в полумрак — только тусклый свет из коридора пробивается сквозь щель. Ева лежит на боку, лицо скрыто в подушке, но я знаю, она не спит. Даши нет в комнате. Она еще на дискотеке. Я ложусь на свою кровать, не раздеваясь. Одежда пахнет холодом и ветром с крыши. Мысли роятся в голове, как пчёлы — слишком громко, слишком беспорядочно.

Поворачиваюсь на бок, уткнувшись лицом в подушку. В темноте видны только трещины на побелке — они похожи на карту, которую я никак не могу прочитать. Поворачиваю голову. Ева дышит слишком ровно. Слишком нарочито.

— Я знаю, что ты не спишь, — тихо говорю я, голос звучит хрипло от усталости.

Ева замирает. Потом медленно поворачивается, и в полумраке я вижу её глаза — красные, опухшие. Она смотрит на меня, и в этом взгляде столько вопросов, что мне хочется снова отвернуться.

— Что ты хочешь? — она шепчет, и голос у неё сдавленный, будто она до сих пор сдерживает слёзы.

Я молчу. Потому что у меня нет ответа. Потому что я сама не знаю, зачем это сказала. Просто стало невыносимо вот это молчание. Переворачиваюсь на бок, спиной к Еве. Пусть думает, что я передумала разговаривать.

9 часть.

Я просыпаюсь от резкого стука в дверь. Голова тяжелая, будто налита свинцом. В комнате уже светло, но свет этот какой-то серый, неприятный, будто само утро решило подчеркнуть мое скверное настроение. Ева уже встала, её кровать пуста и аккуратно застелена. Даша на своей кровати копошится, даже не глядя в мою сторону.

— Подъем! Завтрак через пятнадцать минут! — кричит из-за двери Людмила Степановна и шаги удаляются по коридору.

Я сажусь, чувствуя, как голова тут же пронзается тупой болью. Вчерашние мысли, вчерашние эмоции — всё это теперь сжалось в один тугий узел где-то под рёбрами. Я машинально тянусь к телефону, но экран пуст — ни сообщений, ни пропущенных. Ничего. Мама никак не связалась со мной. Ну конечно. А чего я ожидала?

Встаю, и пол под ногами кажется неровным. Сегодня фиговый день. Я знаю. Просто знаю.

А за окном — серое небо, и где-то вдали каркает ворона. Как будто смеётся.

Потом мы завтракаем в столовой. Мигрень раскалывает череп на части, но я стискиваю зубы и глотаю тёплую кашу, которая кажется безвкусной. Ветер прошлой ночи словно оставил внутри ледяные осколки. Я избегаю взглядов, но краем глаза вижу Кирилла за соседним столом — он тоже молча ковыряет вилкой в тарелке, глаза опущены, тени под ними глубже, чем обычно. Возможно, тоже не выспался.

Хотя кому какое дело?

В голове всплывает вчерашняя крыша: холодный бетон под ладонями, ветер, запах дыма и его голос — спокойный, будто ему давно нечего терять. «Сирота я». Тогда он сказал это так просто, как будто закрыл дверь и выбросил ключ. И теперь, глядя на него в столовой, я вдруг понимаю: под его наглостью не сила — привычка не показывать, где болит. От этой мысли становится неудобно, и я снова злюсь на себя за то, что вообще об этом думаю.

Где-то за спиной кто-то громко смеётся, и я вздрагиваю — боль пронзает висок. Я резко встаю, оставляя половину завтрака, и выхожу в коридор. Нужно просто перетерпеть. Как всегда.

В кармане телефон — молчит. Как и мама. Как и весь мир. Тишина — это хорошо. Тишина не болит.

Бреду по коридору, не глядя под ноги. Свет слишком яркий, звуки слишком громкие — от всего этого хочется спрятаться в темноте. Где-то вдали слышны голоса, смех, шаги, но они отдаляются. Я просто хочу найти тихое место, где всё

утихнет — хоть немного. Но вдруг слышу звуки чьих-то шагов позади. Медленные, неторопливые.

— Куда это ты так спешишь?

Женщина выглядит слишком приторно. От неё пахнет сладкими духами, которые режут нос, а макияж ярок для детского дома. Но она широко улыбается и выглядит доброжелательно.

— Привет, — говорит она, когда я поворачиваюсь к ней.

— Ты, наверное, Вероника, верно? Я слышала о тебе.

— А вы...

— Я психолог, — она улыбается. — Анна Владимировна.

— А... — отвожу взгляд, сжимая кулаки в карманах.

— Ты выглядишь устало, дорогая, — говорит она, внимательно разглядывая меня из-под слишком длинных ресниц. Она выглядит слишком идеальной. Кукольной. Это жутко.

— Все нормально, — отмахиваюсь, отводя взгляд в сторону. Голова начинает снова ныть от мигрени, а свет слишком яркий. Хочется спрятаться где-нибудь в темноте. Чертова мигрень.

— Просто голова немного болит, — бурчу я, потирая висок.

Анна Владимировна смотрит на меня прямо-ласково, наклоня голову к плечу.

— Бедняжка, — тянет она, делая шаг вперед. Анна выглядит почти искренне озабоченной. — Тебе просто нужно немного отдохнуть, милая.

— Да не надо, я в порядке, — отмахиваюсь, снова отводя взгляд. Мне хочется просто куда-то уйти. От слишком яркого света, слишком приторного запаха духов, слишком... черт, слишком много всего. Мигрень всё сильнее сдавливает голову в тиски, а женщина всё ближе подступает.

Она слишком близко. Это начинает жутко раздражать. Я непроизвольно отступаю на шаг назад. Анна Владимировна продолжает улыбаться — слишком широко, слишком настойчиво. В уголках её глаз собираются лучики морщинок, будто она тренировалась перед зеркалом: «как выглядеть доброй». Руки у неё мягкие, без колец, одна уже тянется к моему плечу.

— Давай-ка пройдем ко мне в кабинет, я тебе чаю с мятой сделаю. От головы помогает.

Голос у неё тёплый, медовый.

— Я... — я резко дёргаю головой и тут же жалею — мигрень вспыхивает с новой силой, — ладно. Но ненадолго.

Анна Владимировна загорается, как ёлочная гирлянда, и тут же берёт меня под локоть. От её духов теперь пахнет не просто сладко — приторно, до тошноты.

Почему все хорошие взрослые пахнут как конфетки с истёкшим сроком годности?

Идем по коридору. Внезапно осознаю, что это первый раз, когда я добровольно пошла к психологу.

Мы оказываемся в просторном кабинете, запах духов становится всё сильнее.

Кабинет выглядит аккуратно: белые стены, кожаная мебель, стол у окна и кушетка в углу. В голову приходит мысль, что здесь слишком чисто, будто тут никто не живёт. Я нервно провожу языком по зубам.

— Ого, — оглядываюсь, — симпатично тут у вас.

— Спасибо, дорогая, — говорит Анна Владимировна, усмехнувшись. Она указывает мне на кушетку. — Присаживайся, сейчас заварю чай с мятой. Тебе полегчает.

Я молча устраиваюсь на кушетку, всё ещё чувствуя неприятный запах духов, и от этого мигрень только сильнее. Слежу за Анной, которая ходит по кабинету, наполняя небольшой чайник.

И не выдерживаю:

— Что за духи у вас?

Анна Владимировна оборачивается, чуть вздрогнув. Она выглядит удивлённой, будто не ожидала этого вопроса.

— О, — она смущается, — обычные духи.

— Видимо необычные, — я морщусь.

— Ох, дорогая. Тебе просто стоит расслабиться, вот и мигрень пройдет.

Наливает чай в маленькую чашечку и протягивает мне. Чай пахнет терпко ипряно, а запах духов теперь кажется почти невыносимым. Я забираю чашку, держа её двумя руками.

— Спасибо, — робко говорю, пытаюсь успокоиться. Но мигрень всё сильнее давит на голову, и чай кажется слишком

горячим. Но я всё же делаю маленький глоток.

— Так значит, вы тут психолог?

— Совершенно верно, дорогая, — Анна Владимировна кивает, всё ещё внимательно смотря на меня. Она выглядит слишком заинтересованной, слишком пристальной. Это немного пугает. — Я работаю здесь. Мне нравится помогать детишкам. Помогу и тебе, милая, если захочешь.

— И в чем заключается ваша помощь? — хмыкаю я.

Анна Владимировна кладёт руку на грудь, будто принимая торжественную клятву, и её голос становится мягким, как будто она повторяет заученную фразу из учебника.

— Я помогаю ребятам справляться с трудностями, находить внутренние ресурсы..., — она делает паузу, будто сообщая, что я — не дура и такие формулировки меня не купят.

— Ну, например, ты сейчас сказала, что у тебя болит голова. Это ведь не просто так, правда? — она наклоняется ближе, и запах духов снова бьёт в нос. — Может, ты злишься на кого-то? Или боишься чего-то?

Пью чай и думаю, что если бы я действительно "боялась", то точно не этого казённого кабинета с пластиковыми цветами на подоконнике. Но Анна Владимировна ждёт ответа, улыбаясь так, будто готова ждать хоть весь день.

Интересно, она всем так же говорит? Или только тем, кто пахнет ветром и не спит ночами?

— Вы ошиблись, — хмыкаю я. — Я ничего не боюсь.

Анна Владимировна медленно откидывается на спинку кушетки, её губы растягиваются в улыбке — слишком широкой, почти радостной.

— «Ничего?» — Она делает паузу, её пальцы складываются в замок на коленях. — Никто не боится "ничего" солнышко. Даже если убеждает себя в обратном.

Я стискиваю зубы, но тут же вздрагиваю от новой волны боли в висках. Этот чай точно не помогает. Психолог замечает это и мягко качает головой.

— Вот видишь. Даже твоя голова сопротивляется.

Она выжидающе смотрит, будто предлагает: "Ну, попробуй опровергнуть". Но я просто сжимаю кружку, чувствуя, как жар керамики прожигает мои пальцы.

Болит. Всё болит. И это — мой единственный ответ.

Ставлю чай на стол и встаю с места:

— Спасибо, но мне пора.

Анна Владимировна не пытается удерживать — лишь приподнимает брови, будто ожидала такого исхода. Её пальцы постукивают по подлокотнику кресла, словно отсчитывая секунды до чего-то. Но я уже разворачиваюсь к выходу.

— Конечно, дорогая, — её голос звучит неестественно ровно, — двери всегда открыты. Если захочешь поговорить.

Последнее слово висит в воздухе, как намёк. Я резко толкаю дверь плечом и тут же жалею: свет в коридоре режет глаза. Но я не оборачиваюсь. Шаги за спиной не следуют. Только запах духов ещё долго преследует, даже когда я уже

далеко.

Гораздо проще терпеть боль, чем эти дурацкие разговоры. Я выхожу на улицу, морщась от яркого солнечного света. Голова всё ещё раскалывается, но свежий воздух немного приглушает боль. Во дворе шумно — кто-то кричит, кто-то смеётся, мяч отскакивает от асфальта.

— Ника! — Даша машет рукой с баскетбольной площадки, — иди к нам!

Смотрю на нее, но не двигаюсь. Я не хочу играть. Не хочу смеяться. Не хочу ничего. Просто стою, чувствуя, как ветер треплет мои волосы. Он холодный, но это лучше, чем тот душный кабинет с приторными духами.

— Ты чего тут стоишь? — спрашивает Даша, сама подбегая ко мне. — Мы ждём тебя!

Даша пододвигается ближе, смотрит пристально, будто что-то пытаюсь разглядеть в моем лице. Я в ответ просто молчу. Она сразу же берёт меня под локоть, словно не доверяет моей самостоятельности, и ведёт к площадке.

Кирилл, Слава и Дима увлечённо играют в баскетбол — слышно, как мяч отскакивает от асфальта и звук раздаётся в воздухе звонким эхом. Слава замечает нас и машет рукой, будто подзывая.

Я на секунду замираю на краю площадки, будто меня сюда случайно занесло. Слава машет шире, зовёт жестом, и Даша тут же летит в самую гущу — смех, крики, мяч у неё в руках как продолжение характера.

— Эй, так не честно! — орёт Дима, когда Даша вырывает у него мяч. — Это был фол!

— Фол у тебя в голове, — смеётся она и бросает мяч Славе.

Кирилл кивает мне почти незаметно — без улыбки, просто отметка: «вижу». И сразу снова в игру, будто этот кивок ничего не стоит. От этого почему-то колет внутри: как будто он специально делает вид, что ему всё равно.

Слава ловит передачу и кричит:

— Ника, заходи! Чего стоишь?

Я делаю шаг вперёд, потом ещё один, чувствуя, как взгляд Кирилла скользит по мне на секунду — быстро, оценивающе.

Дима перехватывает мяч и, пробегая мимо, бросает:

— Только не плачь, если тебя снесут. Тут не балет.

— Я и не за балетом пришла, — отвечаю я сухо и становлюсь ближе к разметке.

У меня не было в планах играть, но увидев этого сухого Кирилла, мне захотелось бросить ему вызов.

Кирилл, не отрываясь от мяча, коротко говорит Славе:

— Делай пас ей. Посмотрим.

Слава усмехается:

— О, проверка.

Мяч летит в мою сторону неожиданно быстро. Я ловлю его не идеально — ладони жжёт от удара, но удерживаю. На секунду вокруг будто тише: даже Даша перестаёт хохотать.

— Ну давай, — бросает Кирилл, вставая напротив. Не давит, не лезет ближе, просто перекрывает направление, как стенка. — Покажи.

Я сжимаю мяч сильнее и делаю первый шаг, решая, что отступать поздно.

Я делаю вид, что пойду вправо, и резко дёргаюсь влево. Кроссовка скользит по асфальту — на секунду сердце проваливается, но я удерживаю равновесие и продолжаю вести мяч, стараясь не смотреть на Кирилла.

Он двигается легко, почти лениво, но перекрывает мне воздух так, что становится тесно. Не толкает — просто стоит правильно.

— Не смотри в пол, — бросает Кирилл ровно. — Там ничего полезного.

— Спасибо за урок, — огрызаюсь я и делаю ещё один финт, слишком резкий.

Кирилл тут же выбивает мяч кончиками пальцев — быстро, чисто. Мяч отскакивает в сторону, и Дима подхватывает его на лету.

— Всё, — довольным голосом объявляет он. — Отбор.

Даша, подпрыгивая, тянет руки:

— Дай мне! Дай мне!

— Спокойно, — Дима отмахивается и кидает Славе, а сам, пробегая мимо меня, наклоняется и шепчет с усмешкой: — Ничего так, стерва. Для первого раза.

Я сжимаю зубы и смотрю на Кирилла. Он не улыбается, но

в глазах появляется что-то похожее на одобрение — очень скупое, почти злое.

— Ещё раз, — говорит он.

— Ты издеваешься? — я выдыхаю, чувствуя, как ладони горят.

— Нет, — коротко отвечает Кирилл.

Слава ловит мяч и, не споря, кидает его снова мне.

— Давай, Ника. Только не торопись, — говорит он спокойнее всех. — Поймай ритм.

Я ловлю мяч уже увереннее. Колени чуть согнуты, корпус ниже. Я вспоминаю слова Кирилла — не смотреть в пол — и поднимаю взгляд.

Кирилл снова напротив. На этот раз ближе.

— Вот так, — говорит он тихо, чтобы слышала только я. — Теперь попробуй пройти.

Я делаю шаг, он зеркалит. Ещё шаг — он там же. И вдруг я понимаю: он не давит на меня как на слабую. Он просто проверяет, насколько я упрусь.

Сзади Даша кричит:

— Ника, сюда!

Я делаю вид, что кидая ей, и в последний момент разворачиваюсь и бросаю мяч Славе. Передача выходит резкая, почти злая.

Слава ловит, удивлённо свистит:

— О, нормально!

Кирилл на секунду задерживает взгляд на моих руках, по-

том коротко кивает.

— Уже лучше.

— Не вздумай хвалить, — бросаю я, пытаюсь отдышаться.

— А то привыкну.

Кирилл усмехается краем губ.

— Не привыкнешь. Ты упрямая.

Дима хлопает в ладони:

— Ладно, хватит болтовни! Играем! До десяти!

Даша подмигивает мне и шепчет на ходу:

— Видела? Он уже разговаривает с тобой нормально. А не как тогда.

Я делаю вид, что не слышу, но внутри всё равно что-то теплеет — и тут же злюсь на себя за это.

Я играю не ради веселья и точно не ради них. Я играю, чтобы бросить вызов Кириллу, чтобы он понял: я не из тех, кого можно подмять и поставить в угол. Тёплых чувств быть не должно, ни капли; если я позволю себе хоть что-то мягкое, здесь это сразу станет слабостью. Пусть думает, что я злая и упрямая — так безопаснее.

Мяч снова у Славы, он подаёт в игру, и всё вокруг становится простым: асфальт, дыхание, шаги, стук мяча. Я ловлю темп и перестаю думать о том, как выгляжу — думаю только о том, как не уступить.

Даша прорывается вперёд, смеётся и кричит:

— Пас!

Я вижу, как Кирилл смещается, перекрывая ей траекто-

рию, и нарочно делаю наоборот — веду мяч сама, прямо на него. Не от злости даже, а из принципа.

Кирилл замечает это сразу. Встаёт плотнее, руки подняты, взгляд спокойный.

— Решила геройствовать? — бросает он сухо.

— Решила играть, — отвечаю я и резко меняю направление.

На секунду мне удаётся проскочить мимо его плеча. Я чувствую короткий прилив победы и тут же он догоняет, без грубости, просто быстрее. Его ладонь появляется рядом с мячом, и я понимаю: сейчас выбьет.

Я делаю единственное, что успеваю — резко останавливаюсь и пасую назад Славе. Передача выходит точной.

Слава ловит и тут же кидает Даше.

— Во! — орёт Дима. — Наконец-то пас!

Даша влетает под кольцо, подпрыгивает и бросает. Мяч ударяется о щит и проваливается в сетку.

— Есть! — она победно вскидывает руки.

Слава хлопает её по ладони. Дима недовольно машет рукой, но улыбается. Кирилл лишь коротко кивает, будто отмечает гол в голове.

Игра продолжается. Я всё чаще беру мяч, всё чаще не отдаю его сразу — мне важно, чтобы Кирилл видел: я не прячусь. Он пару раз пытается перехватить, и каждый раз это как маленькая дуэль, без слов.

Наконец мяч снова у меня. Я оказываюсь почти напротив

Кирилла, между нами — пару шагов.

Он медленно опускает подбородок и тихо говорит, чтобы слышала только я:

— Перестань доказывать. Начни выигрывать.

Меня это бесит.

— Я и выигрываю, — шепчу я и делаю финт.

На этот раз я не ломлюсь вперёд. Я веду мяч ниже, спокойно, и жду, когда он сделает лишнее движение. Кирилл чуть смещается и в этот момент я резко отдаю пас Даше на свободный край.

Даша ловит, оборачивается на кольцо и, не думая, бросает. Мяч снова в сетке.

— Да! — визжит она.

Дима хлопает себя по лбу.

— Ну конечно.

Слава смеётся.

— Еще один и всё!

Я поворачиваюсь к Кириллу, и во взгляде у меня только одно: «ещё».

Кирилл смотрит в ответ без улыбки, но в его глазах появляется искра, как у человека, которому тоже стало интересно.

— Ладно, — говорит он коротко. — Последний мяч мой.

Он подхватывает передачу и идёт вперёд, уверенно, как будто площадка принадлежит ему.

Кирилл ведёт мяч вперёд уверенно, и я сразу встаю перед

ним, ниже, плотнее. Сердце стучит чаще, но я заставляю лицо оставаться холодным.

— Уйди, — бросает он без злости, просто как факт.

— Даже не мечтай, — отвечаю я и тянусь к мячу, не пересекаясь с его руками.

Он делает финт плечом — быстрый, почти ленивый и я ведусь на долю секунды. Этого хватает: Кирилл проскальзывает мимо, но не до конца. Я успеваю шагнуть в его траекторию, и мы на мгновение сталкиваемся корпусами. Не больно — скорее слишком близко.

Он останавливается так резко, что мне приходится упереться ладонью ему в грудь, чтобы не потерять равновесие. Под футболкой — живое сердце, и от этого почему-то в голове пустеет.

— Аккуратнее, Ника, — говорит Кирилл тихо, почти ровно, но голос ниже обычного.

Он смотрит на мою ладонь у себя на груди, потом на меня. Взгляд прямой, цепкий и в нём на секунду нет ни игры, ни угроз. Только внимание, от которого хочется отступить и одновременно остаться.

Я сглатываю, пальцы невольно сжимаются, и тут же я одёргиваю себя, будто поймали на слабости. Быстро убираю руку.

Сзади Даша кричит:

— Эй! Игра! Вы чего встали?

Я резко отступаю на шаг, снова становясь в защиту.

— Давай, «последний мяч твой», — говорю я холодно. —

Покажи.

Кирилл не торопится. Он снова начинает вести, но уже медленнее, будто специально растягивает момент. Я почти касаюсь его плеча, чувствую запах табака и мыла, и от этого раздражение становится ещё острее.

Кирилл делает последний рывок, выбрасывает мяч в сторону щита — мимо, слегка, как будто нарочно. Мяч отскакивает, и я перехватываю его на инстинкте.

— Игра окончена, — говорю я, поднимая мяч. — Ты проиграл.

Кирилл смотрит на меня пару секунд, потом медленно кивает.

— Проиграл, — соглашается он неожиданно спокойно. — Но ты хороша.

— Не вздумай, — предупреждаю я, удерживая дыхание. — Мне не нужно твоё признание.

Он подходит ближе, забирает мяч из моих рук не силой — просто уверенно. Его пальцы на секунду касаются моих, и этого достаточно, чтобы по коже прошёл ток.

— Тебе не нужно, — повторяет он. — А мне можно сказать.

Он разворачивается и бросает мяч Славе, как ни в чём не бывало:

— Всё, до десяти сыграли.

Даша радостно подбегает к нам:

— Мы выиграли! Ника, ты видела, как мы их сделали!

Я почти не слышу её. Смотрю на Кирилла, а он уже снова «в игре» со всеми — лицо спокойное, плечи расслаблены.

Я резко мотаю головой, будто могу вытрясти из себя это странное тепло, и выхожу из игры, не оглядываясь. Сердце стучит слишком громко, ладони влажные, а внутри — злость: на него, на себя, на то, что я вообще позволила этому случиться.

Что это со мной? Я же пришла бросить вызов, а не чувствовать. Не имею права чувствовать, потому что здесь любые чувства — как открытая дверь: зайдут и заберут всё, что найдут.

Может, дело не в Кирилле. Может, дело в том, что он на секунду увидел меня настоящую и не отвернулся. Или в том, что он держал дистанцию и всё равно оказался слишком близко.

Я сжимаю зубы и ускоряю шаг. Нет. Это просто адреналин. Просто игра. Просто моя голова устала. И всё равно в груди остаётся противное, живое «а если...», которое хочется раздавить, пока оно не выросло.

Резко поворачиваюсь и направляюсь к скамейке у забора — подальше от всех. От шума. От вопросов. От всего. Иногда лучше просто быть одной.

Спустя несколько минут, ко мне подсаживается Ева. Я поворачиваюсь к ней и киваю на книжку:

— Что читаешь?

Ева медленно приподнимает голову, словно не ожидая вопроса. Успеваю разглядеть потрёпанную обложку с выцветшими буквами.

— "451 градус по Фаренгейту", — отвечает она, голос тихий, будто стесняясь.

— Чего? — хмыкаю я. — Это физика что-ли?

Ева качает головой, как будто пытается найти правильные слова.

— Нет, это роман. Про будущее. Про мир, где все книги сожгли.

— Все книги? — я переспрашиваю удивлённо, будто не верю своим ушам.

Мигрень ушла, сменяясь удивлением, но голова всё ещё немного кружится, так что я просто откидываюсь на спину, глядя вверх.

— Весь мир без книг? И никто ничего не делает?

Голос звучит так тихо, что едва слышен среди шумной возни на площадке.

— Вот в этом и дело, — Ева чуть отвлекается от книги, оторвав взгляд от пожелтевших страниц. — Они считают, что книги ничего не решают. Что книги нужно уничтожать. Чтобы защитить от слишком многих идей.

Её пальцы почти нежно касаются обложки, будто удерживая мир между двух кожаных переплётов.

— А ты... — резко отворачиваюсь, ковыряя ногтем в трещине скамейки, — ты бы смогла? Сжечь любимую книгу?

— Нет, — наконец говорит она просто.

И в этом "нет" — столько твёрдости, что мне хочется невольно улыбнуться. Потому что это честно. Потому что это — единственное, во что я тоже верю.

Может, не все книги сгорели. Может, ещё не всё потеряно.

— А ты читаешь?

— Люблю читать комедии, — тут же улыбаюсь я.

— Какие? — с любопытством спрашивает она, чуть подавшись вперёд.

— Ну... классические типа, — я пожимаю плечами. — "Болваны на отдыхе", "12 стульев", "Свадьба в Малиновке". Такой вот классический совок.

Ева хихикает и в этом смехе нет никаких предубеждений. Она просто рада слышать что-то такое простое.

— Понимаю, — говорит она, всё ещё улыбаясь. — Они хорошие.

— Они веселые, — фыркаю я.

Ева перестает улыбаться, а после с серьезным выражением лица спрашивает:

— А почему именно комедии?

Я несколько секунд молчу, стараясь выцепить хоть какие-то мысли из суматошного потока сознания.

— Потому что... — наконец произношу, медленно подбирая слова. — Комедии помогают уйти от реальности. Они отвлекают от всего дерьма.

10 часть.

Мы идем обедать. Кто-то что-то оживлённо обсуждает, но в воздухе уже притаилась усталость, словно мы только что закончили уроки или что-то вроде того. Хотя все ребята играли в спортивные игры.

Столы как всегда шумные. Даша уже набивает тарелку макаронами с котлетой, смешно кривясь, когда соус капает на стол. Ева аккуратно раскладывает салат по краю тарелки, будто выстраивая баррикаду между едой и собой. Она ест только салат. А передо мной — та же самая серая масса: разваренные макароны, котлета с подозрительно розовой серединой и компот в стакане с потёртым рисунком. Пахнет маслом, томатной пастой и чем-то безнадёжно казённым. Но сегодня я почему-то ковыряю вилкой не так вяло, как обычно.

За соседним столом Катя громко жалуется, что ей не досталось котлеты.

Я заметила, что дети в детдоме следят за своими порциями. Потому что у них нет привычки к изобилию и они ценят каждый кусочек еды, потому что в любом случае это не гарантирует их насыщения. Они хотят урвать как можно больше, чтобы не умереть голодом, поэтому сразу же замечают, если их кто-то обделяет. Это скорее инстинкт. Я заметила, что у всех детей здесь развит этот инстинкт.

Неожиданно слышатся громкие возмущения Димы:
— И че куда нам теперь сесть? На пол?

Людмила Степановна морщится от грубости парня:

— Скорняков, перестань ерничать!

— Дима прав, — защищает друга Слава. — Куда нам теперь сесть, раз наш стол покрашен?

Стол парней в краске. Повсюду в воздухе витает неприятный запах краски.

Завуч задумчиво оглядывает столовую. Надеюсь, этих хулиганов не посадят к нам. Но тут Даша резко поднимает руку и восклицает:

— Можете садиться к нам!

Кажется, это удивляет даже самую Людмилу Степановну, но спорить никто не решается. Так что, спустя короткую паузу, парни просто молча кладут свои тарелки на стол.

Кирилл сел так, чтобы оказаться напротив меня, и я сразу почувствовала, как воздух за столом стал плотнее. Дима с грохотом придвинул стул, демонстративно нюхнул воздух и буркнул: «Фу, как будто ремонт в желудке», а Слава молча устроился сбоку, будто страховал ситуацию. Я уставилась в тарелку, делая вид, что меня это не касается, но краем глаза видела, как Кирилл спокойно изучает нашу компанию, будто оценивает расстановку.

Людмила Степановна ещё секунду постояла, сверля нас взглядом, потом резко сказала:

— Без разговоров и без глупостей, — и ушла дальше по столовой.

— Почему? — я хмурюсь, а Даша тут же машет рукой.

— Да брось ты! Пускай посидят, — она выглядит расслабленно, будто всё по плану, и это совсем не помогает мне успокоиться. Оттого ответ получается чуть слишком жёстким.

— Потому что это наш стол, — говорю, сжимая ложку в руке. Голос звучит чуть резче, чем хотелось бы, зато Даша выглядит ошарашенной. Как будто не ожидала этого.

Она расправляет плечи, явно гордая собой, и шепчет мне: — Не съедят же они нас.

А у меня во рту стало сухо.

Мы молча обедаем. Дима ест громко и нагло: стучит ложкой по тарелке, откусывает хлеб большими кусками и постоянно оглядывается, будто ищет, к чему бы придраться ещё. Слава ест молча и аккуратно — маленькими порциями, не торопясь, с прямой спиной; он больше наблюдает за столом и людьми вокруг, чем за своей тарелкой. Кирилл ковыряет еду без аппетита: пару раз подносит ложку ко рту, жуёт медленно, взгляд уходит в сторону, будто он здесь телом, а головой где-то далеко.

Даша сначала старается есть “примерно”, но быстро сбивается — то прыснет со смеху, то начинает шептать что-то Еве, отламывая хлеб и дёргая ногой под столом от нетерпения. Ева ест тихо, почти незаметно: глаза опущены, движения осторожные, словно она боится занять лишнее место.

Я же отодвигаю тарелку — макароны холодные, и это меня бесит. Дима что-то громко рассказывает, размахивая вил-

кой.

Каждый из их стола может быть дерзок по-своему, но Дима словно специально старается это доказать. Он словно не способен держать язык за зубами, постоянно привлекая внимание к себе.

И, если быть честной, меня это бесит. Он не затыкается. Казалось, что ещё немного и я не выдержу, но я держалась. К чёрту, я держусь!

Впрочем, Дима этого, конечно, не замечает.

Смех. Шум. Обычный обед. Тишина бывает только в книгах.

Он резко выпаливает:

— Знаете, почему курица перебежала дорогу?

— Секунду, давай попробуем подумать. — Слава хмыкает, разворачиваясь к нему с усмешкой.

Я сухо отвечаю:

— Потому что в здесь макароны холоднее льда, и курица просто сбежала?

Дима хлопает ладонью по столу.

— Не, не, вы даже близко! — он подаётся вперёд, сияя, как ведущий шоу. — Потому что...

Я закатываю глаза и делаю вид, что рассматриваю трещину на краю стола, лишь бы не слушать. Но Дима говорит слишком громко, его слова всё равно врезаются в голову.

Кирилл, до этого молча ковырявшийся в еде, чуть поднимает взгляд на Диму — коротко, предупреждающе. Дима,

конечно, этого не замечает.

Слава медленно подбирает вилкой кусок и спокойно добавляет, не теряя усмешки:

— ...потому что на той стороне не сидит Людмила Степановна.

Ева тихо фыркает — почти неслышно, и тут же пугается собственного звука, снова опуская глаза.

Дима торжественно объявляет:

— Потому что хотела посмотреть, как Скорняков переходит границы приличия!

Даша смеётся громче всех. Я сжимаю челюсть, чувствуя, как раздражение поднимается к горлу.

— Очень смешно, — говорю сухо, не глядя на него. — Ещё один анекдот и я начну кидаться этими макаронами.

Дима поворачивается ко мне, явно довольный тем, что добился реакции.

— Кир, слышал? Стерва хочет устроить драку. У нас прогресс.

Кирилл медленно переводит взгляд на меня, потом снова на Диму. Голос у него спокойный, почти ленивый:

— Дим. Ешь молча.

Пауза. Кирилл добавляет:

— И вилкой не маши. Пока без потерь обходимся.

Дима фыркает, но вилку всё-таки опускает. Шум за столом на пару секунд становится терпимее, и я ловлю себя на мысли, что Кирилл умеет заткнуть его одним словом. От это-

го почему-то становится ещё неприятнее, будто правила тут действительно пишет он.

Дима пару секунд жуёт молча, явно из принципа громче, чем надо. Потом всё равно не выдерживает и наклоняется к Славе:

— Ну скажи, нормально же было, — бурчит он.

Слава не спорит, только спокойно отвечает:

— Нормально.

Даша, довольная вниманием, снова тянется в разговор:

— Дим, давай лучше расскажи, как ты вчера мяч в щит запустил и потом всем доказывал, что это «тактика».

— Это была тактика, — мгновенно оживает Дима и снова начинает размахивать рукой, но уже без вилки. — Я отвлёл Кирилла, чтоб Слава...

— Даша, — перебивает Кирилл ровно, не повышая голоса. Он смотрит на неё всего секунду, и Даша почему-то сразу замолкает. — Ешь.

Она моргает, будто не ожидала, и послушно тянется к ложке. Ева тоже начинает есть быстрее, словно ей дали команду.

Меня это задевает. Слишком легко он управляет столом, как будто мы все — часть его компании, даже если я этого не выбирала.

Ядвигаю тарелку ещё дальше.

— Я не буду это есть, — говорю я сухо.

Дима тут же подхватывает:

— О, принцесса, — усмехается. — Холодно ей.

Я поворачиваюсь к нему.

— Дима, если ты ещё раз откроешь рот в мою сторону, я...

— Что? — он подаётся вперёд, глаза блестят. — Пожалуй-
ешься?

Кирилл медленно кладёт ложку. Не стучит, не хлопает — просто кладёт. И от этого жеста становится тише.

— Дим, — говорит он спокойно. — Отстань от нее.

— Я что, виноват? — огрызается Дима, но уже не так уверенно. — Она первая...

Кирилл поднимает на него взгляд.

— Я сказал: отстань.

Слава переводит взгляд на Диму — без эмоций, но этого хватает. Дима откидывается на спинку стула и бурчит себе под нос что-то злое, однако замолкает.

Я чувствую, как внутри поднимается неприятная смесь: облегчение и раздражение. Облегчение — потому что стало тише. Раздражение — потому что меня “спасли”, хотя я не просила.

Кирилл переводит глаза на меня, и его голос становится почти будничным:

— Если холодное — скажи на раздаче. Иногда меняют.

Я прищуриваюсь.

— Ты мне сейчас помогаешь?

Кирилл едва заметно пожимает плечом.

— Я не люблю, когда орут за моим столом, — отвечает он. — Вот и всё.

И снова берёт ложку, будто разговор окончен.

После еды, у всех наступает свободное время. Мы с девочками идем к себе в комнату. Даша неожиданно усаживается прямо на пол и ставит перед собой шахматную доску. Глядя на нее немного растерянно, мы с Евой усаживаемся рядом.

Я заметила, что Ева всё чаще ходит рядом со мной и с Дашей. Может, и раньше она держалась ближе к Даше, но сейчас это выглядело иначе, будто она наконец перестала прятаться за чужой спиной. Она стала живее: начала вставлять короткие фразы, иногда даже шутить и не вздрагивать от каждого чужого взгляда. И от этого мне было странно тепло, хотя я делала вид, что не придаю этому значения.

— Раз уж есть свободное время, предлагаю поиграть в шахматы, — предлагает Даша.

Ева вдруг светится от счастья:

— Я люблю шахматы!

— Правда? Ну, тогда присоединяйся.

— Это же скучно, — хмыкаю я.

Даша усмехается, чуть склонив голову в бок.

— Ну не знаю, не сказала бы. Если стратегия и тактика не твое, тогда да, действительно может быть скучно.

Даша перевела взгляд на меня, чуть выгнув бровь. От ее взгляда веет легкой насмешкой: мол, не боишься попробовать?

Я чуть прищуриваюсь. Прекрасно понимаю, на что Даша намекает. Соревновательный огонь уже начинает загораться внутри, но я стараюсь держать себя в руках, хотя пальцы уже чуть дергаются, желая схватить фигуры прямо сейчас и устроить настоящую бойню на доске.

— Ладно. Я попробую.

— Я лучше понаблюдаю за вами! — предлагает Ева.

Даша молча ставит доску между нами, фигуры уже расставлены. Её пальцы привычно скользят по деревянным фигуркам, будто проверяя их вес.

— Белые или чёрные? — бросает она, глядя исподлобья.

Я не отвечаю сразу — изучаю позицию, будто вижу впервые. Хотя почти. Раньше я редко играла в шахматы. В голове мелькает: "Первый ход, а если пешкой? Или конём?"

— Чёрные, — наконец говорю и слегка откидываюсь назад, скрестив руки.

— Тогда начинай.

Ева затаила дыхание, а я уже тянусь к пешке, как Даша выдает:

— Кто проиграет, тот выполняет желание проигравшего!

— Без проблем, — я пожимаю плечами.

— Тогда начинается настоящая битва.

Даша тут же отвечает ходом коня, её пальцы двигаются быстро и уверенно — она явно играла не раз. Ева, наблюдая за нашей игрой, незаметно кусает губу: ей видимо интересно, чем всё это закончится.

— Твой ход, — бросает Даша, скрестив руки на груди.

Я молча изучаю доску. А если пойти слоном? Или ферзём?

Я медленно передвигаю слона. Даша тут же отвечает, её ладья угрожающе движется вперёд.

— Ох, ты рискуешь... — усмехается она, прищурившись.

Ева тихо ахает, увидев неожиданную комбинацию. Я едва сдерживаю торжествующую ухмылку – может, у меня всё-таки есть шанс выиграть?

Где-то внутри разгорается азарт, но Даша явно старается казаться невозмутимой. Она долго думает над своим ходом, её взгляд скользит по доске, а пальцы машинально перекачивают чёрного коня в руках. Я с надеждой смотрю на доску – кажется, шанс на победу есть. Ева, сидя рядом, едва не вскрикивает от волнения.

Такое ощущение, будто она поставила на одну из нас кучу денег и ждет своей победы.

Спустя несколько секунд молчания Даша наконец-то делает ход — её ладья угрожающе двигается прямо на слона. Теперь моя очередь думать. Я вглядываюсь в доску, пальцы чуть дергаются — стараюсь не упустить ни единого нюанса, чтобы правильно оценить положение на доске. Даша чуть наклоняется вперёд и внимательно поглядывает, словно ища признаки усталости или неуверенного настроения. Еву уже трясёт от волнения.

Я внезапно делаю неожиданный ход — ферзь выходит

вперёд, создавая вилку между ладьёй и королём Даши. В комнате повисает напряжённая тишина. Даша застывает, её брови резко взлетают вверх — она явно не ожидала такого поворота.

Ева резко втягивает воздух, зажимая рот ладонью. Даша медленно проводит языком по губам, её взгляд сужается — она явно перебирает в голове все возможные варианты ответа. Я же сижу подавшись вперёд, глаза горят — я уже почти чувствую вкус победы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.